

ПАНСИОНАТ

А.Добровольский

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артем Львович Добровольский

Пансионат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43457060

SelfPub; 2019

Аннотация

Герой попадает в параллельную реальность, где время – деньги. От многих вещей, бытующих в этой реальности, волосы встают дыбом. Но есть и такие, что слаще мёда. Увлёкшись вторыми, герой подзабыл о первых. Сможет ли он выбраться из гиблого места под названием Пансионат? И да, и нет. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пансионат (1)	4
Пансионат (2)	11
Пансионат (3)	23
Пансионат (4)	37
Пансионат (5)	50
Пансионат (6)	61
Пансионат (8)	93
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Пансионат (1)

Мещера, Мещера... Неближнее Подмосковье. Ночная сырость, болотный ветер в окно, по бокам дороги кусты, над дорогой – два белесых столба от фар Мерседеса, в столбах – быстрые сполохи тумана, обрывки комариных плясок, а то вдруг легкие серебристые капли, и тогда – шш, шш – добрый немецкий дворник степенно проезжал по стеклу, возвращая миру прозрачность; играло радио.

По радио пели песню, и водитель – молодой человек, назовем его Игорь, – подпевал, подпевал с настроением; впереди еще сто пятьдесят километров, но куда уж теперь торопиться? В Москву, как ни гони, попадешь только за полночь, и жизнь, считай, остановлена до утра: Танька спит, Маринку не выпустит отчим, Светке и вовсе лучше не звонить... Завалиться в кабак с Антоном, если он не уехал еще на рыбалку?.. Можно, а можно и по-другому: просто поставить машину в гараж, придти с пивком домой, принять душ и сесть с прохладной бутылкой в кресло смотреть телевизор – что там ночью покажут? ведь что-то показывают... потом, изнедавшись, – спать. Завтра. Жизнь начинается завтра. Неделя полноценной, свободной жизни. Как говорят в таких случаях – вино, карты, девочки. Не вставать с петухами, не подавать машину к восьми утра, не торчать в чудовищных мос-

ковских пробках, неподвластных даже мигалке и флагу на номерах... нет-нет: вино, карты, девочки. Какой он умница, его шеф, что захотел поохотиться. Охотьтесь, Иван Александрович, охотьтесь. Стреляйте их влет, стреляйте их в лоб, ощипывайте, свежуйте, засаливайте. Пейте с друзьями водочку у костра, ночуйте в палаточке, ковбойствуйте. А через неделю Игорь вас заберет. Хотите – через две, через три – вы только позвоните... Так, а что это там такое? Впереди. Вдалеке, на обочине, будто белое что-то мелькнуло... вот опять! что это?..

Игорь переместил ступню с газа на тормоз, стрелка спидометра поползла вниз. Холодильник? Похоже на холодильник. Кто-то выбросил старый холодильник, ага. Вез-вез его на свалку, и – не довез. Правильно, чего там... Нет, холодильники не шевелятся. Это не холодильник. Наверное, кусок полиэтилена отсвечивает, на ветру колышется... Не, не полиэтилен... Оппа, да это человек!.. голосует... девка!.. В белом платье, как на балу!.. Откуда она здесь?.. Верст тридцать как ни единой деревни. Из болота вылезла?.. Ну и сюр, ха-ха. Посадить ее, что ли? Ха-ха! А может это... Вот уж будет что рассказать пацанам!..

Скрипя резиной по асфальту, Мерседес пролетел мимо фигуры в белом и остановился от нее метров за тридцать. С некоторым напряжением Игорь поглядывал в зеркало зад-

него вида на торопливо приближавшееся платье, ярко-красное в свете стоп-сигналов; а если подстава? Сколько раз уж все эти истории рассказывали. Девка садится, достает баллончик, пшик – готово. Пока водитель кашляет и трет глазки, из кустов вылезают добры молодцы, водителя – в кювет (хорошо если живым), машину – в укромное место, перекрашивать. Поэтому надо хорошенько потолковать с ней через окно, прежде чем дверь открывать; потолкуешь – глядишь, и ясно станет.

– Здравствуйте. Вы не могли бы подвезти меня до пансионата?

Темные волосы, светлые глаза. Дрожь в голосе. Волнуется – а вдруг не подвезут? Или хорошо играет.

– Э... До какого, простите, пансионата?

– Ну как же. До Пансионата.

В удивленно акцентированном слове Игорь услышал заглавную букву. Видимо, есть тут какой-то Пансионат, о котором положено знать всем порядочным людям в округе. Пансионат "Услады Мещеры", в прошлом Трижды Краснознаменный профилакторий сердечно-сосудистых заболеваний "Звезда Коммунизма" для партийных работников Москвы

и Московской области. Двенадцать корпусов, три бассейна, киноконцертный зал, спортивный комплекс, игровые площадки, библиотека, бильярд, пейнтбол, сауны, все виды массажа (в том числе по вызову), шахматный клуб и обсерватория. Пансионат здесь есть, очень даже может быть. Но это совсем не значит, что он ей на самом деле нужен. Вполне возможно, то, что ей нужно, уже здесь, приехало.

– А это где?

Девушка повернула голову влево, потом вправо, наморщила нос, тронула себя за подбородок.

– По-моему, это там, – жест рукой по ходу шоссе. – Если честно, я ужасно плохо ориентируюсь. После обеда решила погулять в лесу рядом с территорией... ну и вот, погуляла. Заблудилась, попала сначала в какие-то заросли, потом в какое-то болото, потом, слава богу, на дорогу вышла. Да и по дороге-то никто не ездит, представляете? Вы первый за целый час.

Она коротко посмеялась тревожным, вопросительным, и при этом довольно мелодичным смехом. Метрах в пяти позади нее шевельнулся куст орешника. Может, конечно, и от ветра – всяко бывает. Игорь хмыкнул и двинул рычаг коробки-автомата вперед. Да, спектакль хорош, ничего не ска-

жешь. Одно белое платье чего стоит. Из пансионата... заблудилась... прям Наташа Ростова, бя. Только вот не лох он, ну не лох, вот в чем беда. Смотри, милая, как изящно он тебя сейчас расколет.

– Встань на секундочку перед машиной, лап. А потом поедем.

– Перед машиной? Зачем? – невинное удивление.

– Встань, встань. Не задавит, не бойся.

Она пожалала плечами и, жмурясь, зашла в слепящие лучи галогенных фар. С первого же взгляда Игорь понял, что человек скорее всего не врет. Подол ее платья был изрядно истерзан: влажен, мят, испещрен репьями, местами даже, кажется, порван. Загорелые, открытые до локтя руки искусаны комарами, несколько тонких царапин...

Ей было, наверное, лет тридцать или чуть меньше – в общем, старуха. Причем, интеллигентная старуха, судя по манере разговора; совсем не его тип. Но под тонкой материей платья просвечивало кружевное белье, и Игорь вдруг почувствовал прилив физической бодрости. А что если... Нет, он не насильник, нет. Но он вполне может назначить ей плату за проезд, не так ли? Крох, мы резвимся на заднем сидении

десять минут, и после этого я отвожу тебя в твой санаторий. То есть в профилакторий. То есть... В общем, неважно куда, хоть в лепрозорий. – Ах, да как вы смеете. Ах, да вы знаете ли, что я супруга такого-то, он сейчас в профилактории лечится грязями, а я вместе с ним? – Да мне в общем-то фиолетово, крох, я поехал. – Ах, постойте, постойте. Ах, что же мне делать. Не пропадать же мне в этом страшном лесу. Ну давайте, давайте, изверг вы распроклятый!...

И гложет он ей грудь на заднем сидении, и задирает ей платье бальное по уши, и рвет кружевные трусы, и берет ее – сухую, никакую – берет со всей своей жеребецкой силою – берет ее, немую, до крика; до сладкого ли, до горького – как получится, ему фиолетово. Ага. А потом, уже под утро, возвращается она в санаторию, и выбегают к ней из спальни ее детки малые, и кричат, и плачут: мама, мамочка, где ты была?! И нет никакого грозного мужа там и в помине, а есть лишь два нездоровых ребеночка, которых лечит она в учреждении на последние денежки... попросил, верно, младший сын Митенька в обед землянички, а купить-то и не на что, вот и пошла его матушка в темный лес да по ягодки, да на погибель свою лютую...

Игорю стало стыдно. Он открыл дверь и крикнул, пряча в грубом голосе смущение:

– Ну давай, залезай, что ли, показывай! Где тут эта твоя клиника, или что у тебя там.

Пансионат (2)

– Вот здесь, – сказала она километра через три от того места, где села в машину. И показала вперед изящным пальцем: – Вот здесь нужно налево. Сразу вон за тем столбом дорога, видите?

Игорь притормозил, глянул в направлении столба. То, что она называла дорогой, скорее напоминало просеку. В густо растущих деревьях проступало некое подобие тоннеля – бесформенного, темного и лохматого, как чья-то гигантская нога.

– А ты уверена? – с подозрением спросил Игорь, остановившись посреди шоссе и перехватив руль для поворота, однако еще не поворачивая. – Что-то уж больно захолустная дорожка к твоему этому... пансионату, а?

– Это просто потому что она не главная, – весьма живо пояснила его спутница, словно опасаясь, что ее не повезут дальше. – Есть основной подъезд, он широкий, и там асфальт, но это где-то в другом месте. Я вообще-то имела в виду именно эту дорогу... я все время здесь хожу.

– Ходишь – это хорошо, – со снисходительной иронией

изрек Игорь, приятно ощущая себя хозяином положения. – А как насчет езды? Здесь кто-нибудь вообще ездит? Мм?

– Ну вот же вроде бы есть следы...

– Ага. От трактора.

Она не ответила; минуту, а то и две молодые люди молча смотрели друг на друга. И почудилось Игорю в светлых глазах пассажирки что-то... не сказать чтобы обещающее, но что-то, вмещавшее в себя нечто большее, чем простую поездку по ухабам... Ты довези, – словно бы говорили эти глаза, – а там посмотрим. Куда посмотрим, на что посмотрим, зачем посмотрим – все это как бы оставалось тайной, но главное – она была, эта тайна, и сам факт ее бытия приятно щекотал воображение. Вспомнились, кстати, кружевные трусы под белой, промокшей от росы тканью, и лифчик кружевной – тоже вспомнился, и совесть теперь была далеко – гуляла где-то, отпущенная самим Господом за ненадобность; какая совесть? причем здесь совесть? вы видели эти глаза?

– А что... что если на брюхо сядем? – с хрипотцой спросил Игорь и отвел взгляд в сторону. – Что... что тогда будет?..

– А сам как думаешь? – спросила она в ответ каким-то новым голосом, неожиданно перейдя на "ты".

– Это... я думаю, что это... Ты это... в пансионате своем с кем отдыхаешь-то? – несколько неожиданно заинтересовался Игорь; видимо, он хотел сказать, что если они застрянут, то вряд ли имеет смысл искать помощи в столь поздний час, придется ему торчать здесь до утра. А так как ночевать в машине ему вовсе не хочется, то... и т.д. Но получился своего рода экстракт мысли, прозвучавший, должно быть, малость хамовато. Эх, дурррак, спугнул, ляпнул на свою голову! – начал он было ругать себя, но тут же прекратил, удивленный и обрадованный ее ответом.

– Одна. Одна я в своем пансионате. – И улыбка. Не будучи красавицей, она была, тем не менее, очень мила.

Назревала котова удача – настолько незапланированная и экзотическая, что он не верил ей:

– Как? Как это одна?..

– Да вот так, – засмеялась она. – Никогда не слышал, что бывают одинокие женщины?.. – и вдруг шутливо потрепала его по голове; потрепала – и тут же сама застеснялась.

Мало что соображая, он схватил ее руку, бросил, снова схватил... С трудом ему удалось обуздать нетерпение и за-

ставить себя куда-то ехать.

* * *

По мере того, как Мерседес успешно преодолевал невидимые в траве рытвины, а ветви деревьев задиристо хлестали лобовое стекло, быстро вспыхнувшие надежды Игоря так же быстро и угасали: знакомая его, еще такая новая и уже такая желанная, вдруг словно бы устыдилась своей излишней доступности и пожалела о чересчур откровенном жесте. Молча, с подчеркнуто равнодушным видом смотрела она в ярко-зеленый, высвеченный в темноте коридор, что полз им навстречу. Поглядывая на нее украдкой, на ее профиль – демонстративно безразличный и немного смешной своей детской строгостью – Игорь потихоньку приходил в отчаяние. Такая классная телка, он даже готов влюбиться, и... скорей всего, ничего не будет. Впереди уже что-то маячит, считай добрались; сейчас они подъедут к железным воротцам с двумя синими, слегка облупившимися голубками на створках, и – все. "Спасибо, что подвезли" – "Да ладно, чего там." И – все. Он даже не посмеет применить свой излюбленный стратегический прием – быстрое обвивание талии одной рукой, аккуратный отвод волос за ухо другой, и легкий, трепетный поцелуй в район сонной артерии; процентов восемьдесят девушек после такого приема, не приходя в себя, начинают громко дышать, – но где гарантия того, что она не окажется

в тех двадцати процентах, что молча отпихивают? Гарантии такой нет, и пробовать на авось он не станет: слишком уж она ему нравится, и отказ, случись такой, поранит как топором. А посему, увы, "Спасибо, что подвезли" – "Да ладно, чего там." И – все. Теплый ветерок, высоко на столбе покачивается тусклая лампочка, и старый вохровец Петр Иванович выползает с интересом из своей стеклянной конуры; прищурившись на сцену прощания, со спокойным злорадством добывает сигарку.

Вот если бы они действительно застряли! Тогда совсем другое дело. Ведь и ежу понятно, что тёлка на самом деле тоже не прочь, просто ее немного стыд взял за то, что она так резко повелась; ну а здесь типа предлог – застряли; тут уж не до стыда. Долг каждого порядочного человека в такой ситуации – пригласить другого порядочного человека к себе переночевать. Понятно, что не у себя в кровати (по крайней мере не сразу; ах, подождите, я у дежурной возьму раскладушку!), но так же понятно и то, что это не имеет никакого принципиального значения. К тому же, на территории наверняка еще работает какой-нибудь бар, куда ее можно было бы пригласить до того, как дойдет до раскладушки. Ну а бары, как известно, враги раскладушек, бары предназначены для сближения душ и тел... Короче, все было бы очень даже путем, если бы они вдруг застряли.

Приблизительно так струилась мысль Игоря, когда Бог ее вдруг услышал: довольно неожиданно Мерседес въехал в топкую ямку, скрытую от взора густой травяной порослью; въехал – и не захотел выезжать. Чем яростней давил Игорь на газ, тем яростней под весом двух с лишним тонн зарывались в глину задние колеса машины; довольно скоро стало очевидным, что своим ходом она не выедет.

– Ну вот, завязли! – громко произнес Игорь непередаваемым голосом; много чего было в этом голосе – и достаточно искреннего недовольства по поводу предстоящих хлопот, и не менее искреннего мальчишеского торжества – ага, я же говорил, что завязнем! – и аккуратный вопрос – что будем делать? – и уже даже обида на некоторые возможные ответы – и та была.

Минуты две прошли в полном безмолвии. Нервно покусывая ногти, девушка продолжала смотреть вперед. Там, метрах в двухстах уже краснел кирпичный забор пансионата. Истолковав молчание не в свою пользу и почувствовав себя уязвленным, Игорь гордо заговорил:

– Ты это... не парься. Не нужно мне от тебя ничего. Вылезай и иди, а я уж тут сам как-нибудь...

Еще несколько секунд она пребывала в какой-то напря-

женной неподвижности; затем, словно решившись действовать, быстро повернулась к Игорю и обвила его шею руками. Притянула к себе, впилась поцелуем, скользнула рукой под рубашку. Застигнутый врасплох Игорь первые несколько секунд отвечал вяло, растерянно, затем настороженно – чего это она? сидела сиднем, и вдруг как с цепи! – возродились былые подозрения; и лишь спустя некоторое время, убедившись, что имеет дело с неподдельной чувственностью, он дал волю и своей страсти. Все шло полным ходом к желанной развязке, но когда он начал стаскивать с нее кружевные трусы, она вдруг сказала:

– Нет-нет, не надо. Не здесь...

– Ну почему? – просопел он.

– Я так не люблю. Пойдем. Пойдем ко мне... – С тихим смехом она выскользнула сначала из его рук, затем из машины.

Ах, черт, – пробормотал он себе под нос, с трудом застегивая ширинку, – не любит, ишь ты. Ну, пойдем к тебе, коли так. В койке-то, конечно, поудобнее, кто бы спорил...

* * *

Забор, за которым находился пансионат, был неправдоподобно высок, ничто так не напоминая собой, как Кремлевскую стену. На высоте метров четырех и на расстоянии метров двадцати друг от друга торчали из кирпичей на кронштейнах электрические лампы, хорошо освещавшие грязно-рыжую кладку и почти не освещавшие асфальтовую дорожку, по которой вдоль забора шли Игорь и девушка.

– Ну и ну, – присвистнул Игорь. – Это зачем такая архитектура? Чтобы отдыхающие на ночь глядя в лес гулять не ходили?

– Наверное, – бесцветно отвечала его спутница, оставляя иронию без внимания; возле забора у нее вновь случился приступ странноватой серьезности. Помолчав, сказала: – Только давай сразу договоримся об одной вещи.

Начинается, – кисло подумал Игорь. – Ну нету у меня презерватива, нету. В бардачке были – кончились. Могла бы, между прочим, и сама иметь, раз по ночам приключений ищешь...

– Чего за вещь-то?

– Обещай мне, что после того, как мы трахнемся, ты сразу уйдешь.

– Пффф... Муж, что ли? – несколько удивленно спросил он. – Муж, что ли, может нагряться?.. Или просто боишься поутру засветиться перед кем-нибудь?

– Неважно. Просто обещай.

– Добро, – пожал Игорь плечами как можно более индифферентно, стараясь не выдать досады; любовь любовью, а ночевать все-таки придется в машине – чего хорошего.

– Не обижайся, – тихо сказала она и взяла его за руку. – Так надо.

Словеса-то!.. Как в мелодраме какой-нибудь, – хмыкнул про себя Игорь. – Пугливая страсть двух семейных прелюбодеев близится к концу. Она уже все решила, а он еще ничего не знает. Он мацает ее в прихожей, она ускользает со словами "я сварю тебе кофе". Он не догоняет, он лезет опять. Она ускользает еще раз: "не надо...". Его неверящие глаза, его немой вопрос, и ее печальный ответ: "так надо..." Ага. Так надо, а вот так не надо... Черт, а ведь сидя не выспишься, весь завтрашний день насмарку. Лечь на заднем сидении? Тогда костюмчик придется где-то гладить. Снять его? Но в одних трусах, пожалуй, замерзнешь – ночь прохладная. Завести движок и включить печку? Нанюхаешься выхлопа,

башка весь день болеть будет.. Ччёрт!.. И так не катит, и этак не катит. Не было печали.

Они остановились напротив железной двери в углублении стены; дверь как дверь, несколько выше и шире обыкновенной – но и только. А где воротца с голубками, где стеклянная будка с Петром Ивановичем?.. Такой роскошный забор и такой невзрачный вход!

– Сюда, что ли? – с недоверием спросил Игорь.

– Да, – коротко сказала она, выживая что-то из карманчика на левом рукаве своего платья. – На вот. Зайдешь внутрь, там будет еще одна дверь. Опустить это в щелочку на стене справа, немного подождешь, после этого дверь откроется. Выходи и жди меня. Понял?

Она протянула ему что-то вроде жетона – круглую медяшку, напоминавшую пять копеек советских времен; на тусклом металле были выбиты какие-то буквы и цифры.

– Что это? – спросил он.

– Неважно! – громко ответила девушка, почти прокричала; казалось, она была чем-то сильно взволнована. – Давай все вопросы потом, ладно? У нас мало времени. Тебя еще,

может, и не пропустят. Ну?! Иди же!

– А ты? – оторопело спросил Игорь, вертя жетон в пальцах.

– А я следом.

– Ну смотри, – пробормотал он и дернул за ручку двери.

Не нравилось ему все это.

Помещение, в которое он попал, чем-то напоминало тамбур электрички: невысокая прямоугольная комнатка четыре на два метра, дверь спереди, дверь сзади. Справа на стене висел блестящий ящик наподобие банкомата, а в верхней его части находилось что-то вроде прорези для монет. Посмотрев вокруг и не найдя ничего более напоминавшего "щелочку", Игорь затолкал жетон в эту прорезь. Внутри что-то звякнуло, затем щелкнуло, и по глазам Игоря вдруг ударил луч зеленого цвета откуда-то из середины ящика. Ослепленный этим лучом, несколько секунд он ничего не видел и даже, казалось, потерял способность мыслить. А придя в себя, увидел любопытную надпись, загоревшуюся электронными буквами в продолговатом окошке внизу аппарата: "Возьмите Ваш Остаток". И красную стрелочку, указывавшую еще ниже, в железный лоток, подобный тому, что имеют все обыч-

ные банкоматы.

Слегка потной рукой Игорь выгреб из лотка стопку банкнот, затем по одной выудил несколько тяжелых монет. Странные, однако, денежки. Не рубли, не баксы, не евро. Таких денежек он не видал никогда. Что же это может быть? Какие-нибудь э... шведские кроны?.. Что ж, он не против и шведских крон. Нахалюва-то. Уж он найдет где поменять. Только вот интересно, за что это ему их отвалили?..

От размышлений Игоря отвлек громкий металлический лязг: очевидно, сработал автоматический засов, и внутренняя дверь, вероятно, открылась. Толкнув ее ногой, Игорь убедился, что это действительно так: в лицо ему ударил сильный и жаркий ветер. Запихивая в карман трепетавшие банкноты, он осторожно спустился по каменным ступенькам, что вели снаружи к двери, и оказался в углу огромной заасфальтированной площади.

– Ох, ёб... – только и смог проговорить он, медленно оглядывая территорию Пансионата.

Пансионат (3)

На место для отдыха это походило мало. Сколь видел глаз, всю площадь занимали ряды невзрачных кубических конструкций в человеческий рост, каждая из которых напоминала вход в бомбоубежище. На черных дверях, что выходили все на одну сторону, белели некие идентификаторы, состоявшие из букв и цифр, причем какую-либо упорядоченность заметить было сложно: так, на двери ближайшего к Игорю "кубика" было написано "NBD-371", правее находился кубик "KF-8773", а слева "PPS-19A"; во втором ряду порядка наблюдалось не больше, – не было его, видимо, и дальше. В сооружениях этих, бесчисленных и мрачных, басисто завывал ветер, гоняя по проходам обрывки газет и прочий мусор; в низких облаках сверкали молнии, озаряя странный городок электрическим светом. С неба летели редкие, увесистые капли – казалось, вот-вот начнется гроза.

Откуда так нагнало-то? – растерянно подумал Игорь, глядя в беспокойную высь, и растерянность его быстро превратилась в страх: – Ой, пацан... зря ты сюда пришел. Кремлевские заборы, непонятные бабки, таинственные заблудившиеся тёлки – все это странно, но в пределах объяснимого. Даже скопище номерных сортиров можно, наверное, объяснить каким-то образом. Но есть вещи необъяснимые. Жара. От-

куда свалилась эта жара?.. По ту сторону забора не больше пятнадцати градусов, по эту – как минимум тридцать. Ребят, я так не играю. Пора назад.

– Назад захотел? – неслышно подойдя к нему со спины, она тронула его за рукав.

– Да, есть немного, – честно признался Игорь, вздрогнув от неожиданности. – Странный тут у вас санаторий какой-то.

– Пансионат, – поправила она.

– Ну, пусть пансионат. Все равно что-то не очень похоже. Зачем здесь какие-то будки? – ветер заглушал слова, приходилось почти кричать.

– Это долго, – отмахнулась она; в руках у нее Игорь вдруг заметил кошелек – видимо, ей тоже дали денег. – Ну так что?.. Если честно, на твоем месте я бы побыстрее ушла отсюда.

Он внимательно посмотрел на нее. Высокий лоб. Красивый, капельку восточный разрез глаз. И сами глаза – непривычно светлые для такого разреза. И длинная шея, и порхающие пряди темных волос. И все это... как бы это сказать? – все это как бы вдруг ускользает от него, наобещав пе-

ред этим с три короба. Вообще-то, в иных ситуациях такой расклад можно было бы назвать и кидаловом, но... но это, безусловно, не тот расклад, нет. Кидалово – это когда тебе что-то должны, а она ему ничего не должна; ну, подвез – подумашь. И все-таки странно – что за перемена в настроении? Еще минут пять назад он ей был очень даже люб, ни о каких "побыстрее уйти" не шло и речи, напротив – речь шла о том, чтобы побыстрее "прийти", причем с ее подачи; что до него, он и в машине, между прочим, не возражал. Нда. Вот уж действительно, бабы – это загадка. Тьфу ты!

Теперь, естественно, он хотел ее пуще прежнего: никогда так не желанна тёлка, как в момент своего ускользания. Кстати, может, это она его специально заводит?.. Хитровато прищурившись, Игорь сказал:

– На моем месте ты бы ушла, понятно. Ну а что будет, если я на моем месте все-таки пойду с тобой?

Она быстро пожала плечами:

– То, что ты хочешь. Главное потом не задерживайся и не теряй что тебе дали.

"А что мне дали?" – хотел удивиться Игорь, но вспомнил про деньги. Хорошо, он не потеряет. И даже не спросит по-

чему это так важно. Остаются, однако, кое-какие другие вопросы, поинтересней.

– А...

– Если хочешь трахаться – пошли, – довольно резко перебила она и, не дожидаясь ответа, зашагала в сторону бетонных сооружений.

Пожав плечами, Игорь молча направился следом за ней. Конечно же он хочет, что за вопрос. Конечно же он пойдет. Упустить такое тело, испугавшись какой-то ерунды, – этого он себе не простил бы.

Углубляясь в постройки, несколько раз они меняли направление, переходили с одного прохода на другой, и всякий раз девушка останавливалась и кричала: запоминай дорогу! – а жаркий ураган задирает её белое платье, в точности как на плакате с Мэрилин Монро. Запомнить дорогу, казалось, было несложно: семь рядов вперед, и налево; три ряда вперед, и направо; пять рядов вперед, и снова налево. Семь лево, три право, пять лево. Назад надо будет идти в обратной последовательности и поворачивать в противоположную сторону, только и всего.

Минут через десять она остановилась возле одного из до-

миков. На двери было выведено "KTR-5612", а чуть пониже блестели клавиши электронного кодового замка. Девушка торопливо набрала несколько цифр, дверь щелкнула, и через несколько секунд жара и завывания ветра остались позади. Молодые люди находились в тихой и прохладной комнатухе, представлявшей из себя нечто вроде надстройки над своеобразным колодцем. Игорь увидел круглую, освещенную голубоватым светом шахту, вглубь которой вела винтовая лестница. "А это...", – хотел он о чем-то спросить свою новую знакомую, но та уже начала спускаться по ступеням, велев ему жестом следовать за собой.

Они сделали три полных витка, спустившись, по прикидкам Игоря, метров на шесть под землю. Внизу, на дне шахты была еще одна дверь – вполне обыкновенная. Но вот то, что открылось взору Игоря за этой обыкновенной дверью...

Море штормило. Растрепанные волны шумно прыгали друг другу на плечи, и длинные пенистые языки лизали прибрежный песок. Воняло йодом, светило солнце, произрастали пальмы и кричали птицы – кажется, чайки – но вся эта экзотика была лишь фоном, обстановка же на переднем плане больше напоминала жилое помещение: пара кресел, телевизор, стол, стулья, разное другое, и – роскошная двуспальная кровать с огромным розовым кустом в изголовии.

Девушка сбросила туфли и сняла через голову платье, оставшись в одном кружевном белье; достала из холодильника две жестяных банки, одну открыла себе, другую кинула Игорю. Пиво в Игоря не полезло.

– Ты здесь типа живешь? – после долгого молчания нашел в себе силы спросить он.

– Угу. Я в душ. Ты пока раздевайся.

Она исчезла в зарослях неизвестной тропической зелени, сквозь которые проглядывала прозрачная голубоватая конструкция – вероятно, душевая кабина. Постояв и помотав головой, Игорь смачно плюнул в песок под ногами и резким движением снял с себя пиджак. Да пошло оно все. Чего теряться-то? Если это сон, то подольше бы не просыпаться. А коли он сошел с ума, то... ну что ж, это тоже неплохо, главное чтобы сумасшествие не повлияло на потенцию, ага. И кстати, пока она там в душе, надо бы поплавать в море-океане, а то когда еще доведется.

Раздевшись до трусов, Игорь проскакал по горячему песку, прошлепал по мелководью и нырнул под набегавшую волну. Будучи отменным пловцом еще с деревенского своего детства, он по праву ожидал, что дюжина мощных подводных гребков унесет его вперед десятка на полтора метров,

поэтому был изрядно удивлен, вынырнув возле самого берега – точно на том же месте, где и нырнул. Вторая и третья попытки также окончились неудачей. Тогда он решил не плыть, а просто зайти подальше, но и это не заладилось: сколько бы не переступал он ногами по дну, глубже не становилось, и берег по-прежнему оставался в нескольких метрах за его спиной, абсолютно не удаляясь. С кривой усмешкой Игорь вылез из воды на сушу. Вот и поплавал. Ну а что, собственно, можно ждать от моря в канализационном коллекторе? От моря, которое вам мерещится – неважно, во сне или наяву.

Интересно, ха-ха, что за секс ему предстоит.

Однако же, вопреки предчувствию, секс оказался весьма полноценным, в том плане, что все его анатомические и многие физиологические составляющие вполне соответствовали общепринятым, так сказать, нормам. Партнерша, правда, была не столь темпераментна, как хотелось бы, – это если говорить мягко; а если говорить как есть, то лежала бревном. Поначалу это мало расстраивало голодного Игоря, но после второго оргазма ему вдруг стало немного обидно.

– Послушай, ... – начал он и осекся, вдруг сообразив, что до сих пор не знает ее имени. Помолчав, сказал: – Меня зовут Игорь. А тебя как?

– Катя, – отвечала она с закрытыми глазами, лежа рядом с ним на кровати.

– Послушай, Катя, у меня к тебе на прощание два вопроса. Осилишь?

Катя промолчала.

– Первый вопрос такой: зачем тебе все это надо было? Мм? Ты ведь никакая. Тебе этого не надо. Мм?.. Зачем мы здесь?..

Она разомкнула веки и тихо усмехнулась:

– Ты же сам хотел.

– Мало ли кто чего хотел, – усмехнулся Игорь в ответ, немного зло. – Ты со всеми такая добрая?

– Нет. Только с теми, кому должна.

– Должна? А что ты мне должна? Что за ерунда, лап. Неужели всякий дурак, кто согласится тебя подвезти...

– Причем здесь это, – перебила она его, вставая с кровати. – Я заработала на тебе денег, Игорь.

Возникла пауза; затем, словно страдая головной болью, Катя приложила к вискам кончики пальцев и попросила:

– Только не надо больше ни о чем спрашивать, ладно? Ты получил что хотел, теперь иди. Ты обещал.

– Хорошо, – согласился Игорь. – Но свой второй и главный вопрос я все-таки задам. Это всё сон? Это ведь сон, да?

– Хотела бы я, чтобы это был сон! – протяжно и с чувством произнесла Катя, почти простонала. – Увы, дорогой, это не сон. Иди. Иди. Иди.

– Как скажешь, – окончательно разобидевшись, пробурчал он и принялся одеваться. Странная баба, очень странная. И море здесь говно. – Странная ты, Катя, какая-то. И море здесь... тоже странное.

– А ты купи себе лучше! – неожиданно всплыла она. – Много тут таких критиканов вроде тебя! А у самих за душой ровный хуй. У меня, между прочим, трехметровое – далеко не худший вариант при нынешних ценах... Впрочем, зачем я тебе все это говорю?.. Ступай уже, ступай.

– Да пошла ты! – в сердцах выкрикнул Игорь, начиная

продираться сквозь пожухлые лианы, за которыми, как он помнил, находилась дверь в шахту. Весь этот бред уже порядком достал его.

* * *

Значит, как там? Семь лево, три право, пять лево, шесть право. Если обратно, то это будет... это будет лево шесть, право пять, лево три и право семь. Или лево? Нет, право семь... Раз... Два... Три... Ага, вот и та халупа с картинками, которую они проходили. Граффитист, должно быть, живет. Такой же долбанутый, как эта Катя... Ага, вот здесь налево... Раз... Два... Три... Оуу!! Ёб!!!

От испуга Игорь даже подпрыгнул. Прямо перед ним возле одного из бетонных домиков стояли двое детей – мальчик лет пяти и девочка лет восьми. Даже в темноте было заметно, что оба они сильно чумазые, а одето на них то, что в хорошей литературе принято называть рубищем – рваные, непонятного покроя тряпки свисали с худых детских плеч серыми лохматыми мешками. Из мешков этих, между прочим, торчали грязные ковшики протянутых ладоней: дети попрошайничали. Не совсем гармоничным в этой ситуации выглядело то, что мальчик держал за веревочку большой игрушечный самосвал.

– Обана, детки! – воскликнул Игорь с искренним удивлением и даже сочувствием. – Вы это... нашли где клянчить. Пошли со мной, выведу вас на трассу, там улов-то поди пожирнее будет, а?

– Неет, добрый человек, – протянула девочка писклявым голосом. – Мы не можем никуда отсюда уходить, мы тут живем.

– Ну так что ж, что живете, – возразил Игорь с бодрым, слегка наигранным весельем. – Все люди живут в одном месте, а работают в другом. А здесь – кто вам здесь подаст-то?.. Ну, не хотите – как хотите, мне что.

Он зашагал было дальше, но девочка пригвоздила его к месту милой и непосредственной фразой:

– Ты, дяденька. Ты нам и подай.

Игорь смущенно захлопал себя по карманам, проклиная свою врожденную отзывчивость и совесть. Сейчас, сейчас, детки, конечно... Так, что здесь?.. Ага, доллар. Повезло вам, сорванцы. Целый доллар США обломился. Натевот!

– Дядь, нам этого не нужно, – сказала девочка, возвращая

доллар. – Ты нам денюжек дай.

– А это что ж тебе, не денюжки? – опешил Игорь. – Ну, не хочешь доллар – держи чирик деревянными, только имей в виду, что это поменьше будет.

– Дядь, ты нам денюжек дай, – повторила девочка, отвергая десятирублевку, и в голосе ее послышались отзвуки раздражения.

– Каких же тебе еще... – начал Игорь и тут же хлопнул себя по лбу: – Ах, ну да, у вас же тут какие-то свои бабки. Сейчас, погодь.

Он засунул руку в карман брюк и вытащил разноцветную пачку новеньких, слегка помятых купюр; при виде ее дети затоптались на месте. Сотенные, полтинники, несколько тысячных и полутысячных. Так, сколько дать-то, чтоб не обидеть? Почему они, эти тугрики?.. Ну, стольник-то всяко должно хватить.

– На, держи, милая.

Девочка медленно и аккуратно сложила банкноту, убрала ее куда-то внутрь своего балахона. Затем прищурилась и сказала:

– Дядюль, а ты не мог бы еще дать? Мы бедные, нам кушать нечего.

Смутившись, Игорь протянул ей второй стольник.

– Дядюль, а еще?

– Нет, – твердо сказал Игорь и повернулся чтобы уйти. – Всему есть предел, в том числе и моим благородным чувствам.

– Дядюль, моему братику операция нужна, ему ножку электричкой отрезало! – визгливо вскричала девочка, хватая Игоря за рукав.

– Да где ж отрезало-то, когда вон он на двух ногах стоит! – засмеялся Игорь.

– Это протез, дядюль, это протез. А настоящая его ножка у него в самосвале лежит. Ее пока еще пришить можно, но скоро она протухнет. Поэтому нам сейчас денюжки во как, позарез нужны. Толян, чего стоишь, а ну покажи дяде ножку!

– Митяй, ты достал! Сам показывай! – огрызнулся мальчик, но тем не менее наклонился и отдернул в сторону тряп-

ку, прикрывавшую кузов самосвальчика.

Завоняло несвежим мясом. С недоверием и отвращением Игорь слегка наклонился над игрушкой, но разглядеть в темноте ничего не смог. Тогда он присел на корточки, и это была ошибка. Чем именно его ударили по затылку, он так и не понял, но это что-то было достаточно увесистым, чтобы полностью выключить Игоря на несколько минут. Когда он пришел в себя, не было ни девочки, ни мальчика, ни его самосвала.

И не было, конечно же, туземных денег. Если не считать одного мятого полтинника, что плавал в луже крови, натекавшей из головы Игоря на асфальт. Видать, побрезговали.

Пансионат (4)

Как известно, худа без добра не бывает. Вышибив из своей жертвы сознание, малолетние разбойники не отшибли ей, тем не менее, память: несмотря на сильную боль в затылке, Игорь прекрасно помнил оставшуюся часть маршрута, то есть где и какие повороты ему еще требуется совершить, чтобы выйти, наконец, к кирпичной стене – к той двери в ней, через которую он попал на территорию пансионата. На территорию этого ... пансионата. Этого ..., пансионата.

Да это, конечно же, никакой и не пансионат вовсе, ему бы следовало понять сразу. Это обыкновенная психиатрическая больница, вот что это такое. Возможно, ее и принято называть пансионатом – дабы не пугать почем зря непосвященных – но сути дела это не меняет. А суть здесь одна: за высоким забором сидят опасные люди. Больные, опасные люди. Которые иногда непонятным образом выбираются наружу и заманивают внутрь честных граждан. А потом опасные дети больных людей дают этим честным гражданам в репу. Такие вот тут дела, ага... Море?... Ну и что ж, что море. Море привиделось, да. Под влиянием Катиного этого... как его... биополя какого-нибудь. У психов, говорят, развиты паранормальные способности, так что загипнотизировать человека для них – как два пальца. Хочешь море, хочешь горы. А хо-

чешь – половой акт. Беспредел, в общем... Так, а вот здесь нужно последний раз налево, и... да, вот они наконец, врата в мир разума. Прощай, прелестный уголок, Игоря Иванова ждут дела по ту сторону Рубикона.

Он взбежал по ступенькам, распахнул дверь, ринулся через тамбур ко второй двери, дернул за ручку... Заперта. Так, хорошо. Ничего страшного – в эту сторону, помнится, тоже не сразу открылась. Наверное, нужно опять покудесить с блестящей штукой, которая выдает бабки.

Жетона он на сей раз не имел, опустить в прорезь было нечего, но на стене рядом с аппаратом находилась весьма приметная кнопка, и Игорь, не раздумывая, нажал на нее. Тут же, как и прежде, в глаза ему ударил луч света, только теперь не зеленый, а ярко-фиолетовый. Когда зрение восстановилось, Игорь увидел над лотком для выдачи денег электронную надпись следующего содержания:

"Сумма входного обналаживания: 12476,735. Если Вы желаете покинуть Территорию, внесите указанную сумму."

И красную стрелочку, показывавшую куда именно следует внести указанную сумму.

Покинуть территорию оказалось не так просто – денег у

Игоря не было. Минут двадцать он еще провел в тамбуре – сначала в мрачном оцепенении, затем бросаясь на дверь с пинками, потом на аппарат с кулаками, потом просто сидя на полу, обхватив руками раненую голову... а после вышел на улицу, глубоко вздохнул и театрально вымолвил:

– Вот это и называется попасть на бабки.

* * *

Делать было нечего, кроме как идти напрягать Катю – не такую уж, видимо, и сумасшедшую Катю. Потребовать от нее, наконец, отчет – что это за гнилое место, если не дурдом, и почему с него, Игоря, спрашивают какие-то деньги. Да, ему их дали, ну и что. Он разве просил их в долг? Ему дали, он взял, теперь у него их нет – какие проблемы. Пусть-ка она расскажет ему, что за хрень здесь происходит. Можно не в деталях – они ему неинтересны – достаточно будет, если она просто объяснит, как выйти отсюда без всяких поборов. Ну, а если это невозможно – пусть платит. В конце концов, это ведь она его сюда затащила. И не просто так, а с целью заработать на нем бабки – ее собственные слова. По всем понятиям, ей и отвечать.

Через десять минут он уже молотил кулаками в дверь бункера "KTR-5612"; Катя не открывала. Возможно, не хотела,

могла и не слышать, а может просто успела куда-то уйти – так или иначе, Катя не открывала. На всякий случай, без особой надежды он подергал двери нескольких соседних бункеров – все они были заперты. Между тем ночь подходила к концу, и небо с одного края уже пожелтело; затих ураган, и воздух сделался не таким жарким. Неожиданно на Игоря накатила усталость; контуженный, не спавший более суток организм настоятельно потребовал отдыха. К счастью, рана на затылке успела немного зажить, поэтому вполне можно было и прилечь отдохнуть, не рискуя при этом истечь кровью. Подумав, Игорь снял с себя пиджак, положил его на асфальт перед Катиной дверью и лег сверху. Где бы ни была эта Катя, теперь она не выйдет из своей конуры и не войдет в нее, не разбудив его. Очень хорошо. А он пока немного поспит... совсем чуть-чуть... всего часик....

Проспал он, однако, существенно дольше и проснулся от того, что в глаза светило яркое полуденное солнце. С минуты он потирал тупо нывший затылок, соображая где находится и вспоминая что случилось. Сообразив и вспомнив, Игорь изрядно встревожился: слишком, слишком затянулся этот цирк. Пора выбираться отсюда, любыми путями. Он, между прочим, бросил в лесу машину. Совсем не хотелось бы, чтобы с казенной тачкой стоимостью сто тысяч баксов случились какие-нибудь неприятности по его вине. Нужно что-то делать. Сидеть и ждать Катю неразумно. Нужно вста-

вать и идти, кого-то искать, тормозить, спрашивать. Неплохо бы, кстати, встретить знакомых детишек. Короче, есть два варианта действий. Первый – вернуться к стене и двинуться вдоль нее в поисках незакрытых дверей, второй – продолжать продираться сквозь этот дрянной городок, надеясь встретить кого-нибудь из его жителей. Второй вариант показался Игорю более достойным.

Он встал на ноги, отряхнулся и побрел между построек, переходя временами с одного ряда на другой и стараясь придерживать северного направления – так, чтобы солнце светило в спину. А светило солнце хорошо, и после часа ходьбы Игорь зверски захотел пить. Вдобавок разболелся затылок. Поглядывая вокруг себя, молодой водитель испытывал приступы тоскливого дискомфорта; как пишут в хорошей литературе – им овладевало отчаяние. Бетонным дебрям не видно конца и края. А пора бы. Сколько километров они еще будут тянуться – десять, двадцать? А может, все сто? Почему бы и нет, в стране чудес это легко. Эх, видимо стоило все-таки выбрать первый вариант и пойти еще раз к стене; скитания и смерть от жажды в каменном лабиринте безусловно крайне романтичны, однако не входят в его ближайшие планы.

Он уже был готов повернуть назад, как вдруг увидел перед собой деревянный щит в виде большой стрелы, прикреплен-

ный к стене одного из домиков. Синей краской на щите была сделана надпись: "Ресторан Огни Манхэттена, 100 м". Радости Игоря не было предела; он тут же сглотнул пересошим горлом, представив себе бокал пива с тонкими стенками, покрытыми холодной, туманной росой. Что ж, все не так плохо. За человеческие деньги в ресторане "Огни Манхэттена" скорее всего не обслуживают, но у него есть те окровавленные пятьдесят тугриков, что милостиво оставили ему грабители – на пиво, авось, хватит. А главное, ему сейчас все расскажут и объяснят.

Внешне заведение ничем не выделялось среди прочих построек, за исключением того, что дверь его была открыта, и перед входом висела вывеска. Оказалось, что внутри вход устроен тем же образом, что и вход в Катин дом, с той лишь разницей, что поверхность шахты была испещрена разного рода блестящими нашлепками – звездами, кометами, сатурнами – вполне обычной ресторанной декорацией. Спустившись по ступеням винтовой лестницы на дно шахты, Игорь в нерешительности остановился, сообразив, что за второй дверь его снова ждет изрядный сюрприз, что-нибудь наподобие Катиного моря – что-то неожиданное и неуместное. А что, если на сей раз это будет что-то менее приятное? А что, если это будет, скажем, доменная печь? Он открывает дверь, делает шаг, и – ффуупп – мгновенная кремация. (А что? В пансионате так шутят.) Поэтому может быть не стоит откры-

вать эту...

Но любопытная рука сама потянула за ручку. Дверь отворилась, Игорь нервно шагнул внутрь, и в первые же несколько секунд на него снизошло спокойствие: нет, это не подстава. Это именно то, чем оно называется – это Манхэттен.

Ресторан находился на крыше небоскреба и занимал, наверное, не меньше, чем полгектара – площадь казалась весьма обширной. Столики располагались под открытым небом на безопасном расстоянии от парапета, и с трех сторон от них открывался великолепный обзор; четвертую сторону крыши занимала увитая гирляндами постройка, через которую и вошел Игорь. Постройка эта напоминала конструкцией летний тир в городском парке, являясь на самом деле коктейль-баром со стойкой, табуретами и внутренним помещением.

Время было ночь, прекрасная летняя ночь, прохладная и ясная. Кремовая, как по циркулю луна висела рядом в небе, распугивая вокруг себя звезды. И были огоньки поменьше, чем луна, в великом множестве, и были они разноцветные, и были они со всех сторон, далеко и близко, и все это море светляков мерцало, дышало, гудело из глубин автомобильными клаксонами и стрекотало на поверхности вертолетами...

Игорь перевел дух. Нда. Бутафория, наверняка, этот Манхэттен, как и Катькина лужа, но все равно красиво. А вот интересно, если разбежаться и перепрыгнуть через бордюр – что будет? Назад выкинет? Или просто зависнешь в пространстве где-нибудь на уровне предпоследнего этажа, а ресторанный персонал потом баграми будет вытягивать?.. Хе-хе, попробовать, что ли?..

– Присаживайтесь, пожалуйста, за столик, – неожиданно прервал его раздумья ниоткуда взявшийся человек в черном костюме, видимо местный распорядитель.

– Спасибо, я лучше посижу в баре, – сконфузился Игорь, вдруг взглянув на себя со стороны глазами метра и увидев грязного, мятого, небритого, перемазанного кровью мужика. Этакое завсегда у ресторанов с полтинником в кармане.

Метрдотель кивнул и исчез. Игорь подошел к стойке бара и забрался на высокий табурет. С улыбочивыми приветствиями бармен протянул ему барную карту. В разделе "Пиво" значилось следующее:

"Эбенинтайнер" 0,5 1,750

"Закозловице" 0,5 1,800

"Мюллер Лайт" 0,5 1,850

"Фрау Брау" 0,5 1,900

"Голден Сильвер" 0,5 1,950

Что за прайсы такие?! – немало удивился про себя Игорь, но вслух, однако, ничего не сказал. – Рубль восемьдесят, рубль девяносто... ну или не рубль, а как они у них здесь... неважно. Да еще зачем-то на конце нули лишние пишут... странные они ребята, да. Но при этом хорошие: цены не ломят.

– Будьте добры два "Фрау Брау", – попросил он и положил на стойку свой чумазый полтинник. Мысль попробовать заплатить обычными деньгами даже не пришла ему в голову.

Бармен долго вертел полтинник в руках, словно не решаясь взять, затем все-таки взял. После чего наполнил из крана два высоких стакана и отсчитал сдачу. Первый стакан Игорь выпил тремя глотками; ополовинил второй и почувствовал, что жажда отступила. Затем, оставив пиво слегка в сторону, он разложил перед собой на стойке деньги, что дал ему бармен, и принялся внимательно их рассматривать. Валюта, не уступающая своей покупательной способностью доллару, стоит того, чтобы на нее посмотреть.

Три бумажных десятки, три пятерки, одна единичка. Сорок шесть тугриков и куча мелочи. Десятки салатого цве-

та, пятерки синеватого, единички – рыжего. Наименования нет ни на одной, но зато обозначен номинал и есть водяные знаки – с этим все в порядке. С одной стороны купюры нарисовано яркое солнце, а с другой – закат, красный краешек этого же солнца, едва видимый из-за горизонта. Хм, интересная символика. Так, а что с монетами? Напоминают обычные – медные да никелевые, тоже без названия, с одним лишь номиналом. На аверсе выбит человеческий глаз – ага, понятно, слизали с доллара. А на реверсе... на реверсе тот же самый глаз, только закрытый. Хм, интересно, интересно. Но почему их так много, этих монет? Если сложить сорок шесть и всю эту мелочь, получится наверняка больше, чем полтинник. Не обсчитал ли себя этот добрый малый?

– Простите, – сказал Игорь, – кажется, вы дали мне слишком много сдачи.

– Почему вам так кажется, дорогой друг? – спросил бармен, не спускавший все это время с Игоря любопытных глаз.

– Ну как же. Вот смотрите. В одном... этом... содержится сто... этих... Правильно? – Немного помявшись, Игорь признался: – Честно говоря, я не знаю как называются эти ваши деньги. Видите ли, я в некотором роде не местный, да.

– Вы только что из Витланда? – с интересом спросил бар-

мен, по-прежнему глядя на Игоря как на редкое животное.

– Простите, откуда?

– Из Витланда. Другими словами, из-за Забора. Вы ведь только что из-за Забора, не так ли?

– Ну... в некотором роде да, оттуда. Не сказать, правда, что только что, но...

– Давайте. Давайте сюда мои деньги, – перебил его бармен, кивком указывая на разложенные перед Игорем бумажки. Затем, не дожидаясь ответа, сам сгреб их в кучу, отнес к себе в кассу и вернулся оттуда с замызганным, уже знакомым Игорю полтинником: – И держите назад ваши.

– Почему? – искренне удивился Игорь. – Потому что грязные?

Бармен усмехнулся.

– Нет, дружок, не поэтому. Просто у меня есть правило не брать денег у несведущих. У любого нормального человека есть такое правило. Мне легче напоить тебя пивом за свой счет, чем взять с тебя хоть минуту. Хотя бы одну паршивую минуту.

– Взять с меня что??.. – изумился Игорь.

Бармен долго молчал, словно не хотел говорить. Потом тяжело взглянул на Игоря и просто сказал:

– Твои деньги – твоя жизнь. Мои деньги – моя жизнь. Здесь так. Не в переносном, не в лирическом смысле слова, а в прямом.

Игорь раскрыл было рот, но мужик в сердцах махнул на него рукой:

– Ты спрашивал как они называются. Вот это, – он ткнул пальцем в полтинник Игоря, – это дни. А вот это, – он вытащил из кармана монету, – это минуты. Когда ты проходил через Забор, тебя обналичили на весь остаток твоей жизни. И вот что я тебе скажу, дружок: береги эти бабки. Не трать почем зря. Расти их. Ибо в каждый божий момент жить тебе остается ровно столько, сколько денег у тебя за душой. А еще лучше, мой тебе совет, – дуй-ка ты отсюда назад в Витланд, пока не поздно. На Заборе с тебя твои бабки назад требуют, плюс, наверное, комиссию кой-какую попросят – ты сколько здесь пробыл-то? Ну, это много не должно быть, я тебе в случае чего могу дать. У меня, знаешь, принцип такой: людям помогать. Сегодня я тебе помогу, завтра – ты мне...

Ничего, что я на ты?.. Эй, дружок, что с тобой?!..

Пансионат (5)

Если бы Игорь не был двадцатилетним бугаем, то он, вероятно, как пишут в качественной литературе, лишился бы чувств. Закатил бы глаза, схватился б за сердце, вскрикнул бы, попятился бы, рухнул бы на землю – много как могут внешне проявиться отчаянье и ужас человека, прочно попавшего в дрянную ситуацию и оценившего сколь прочно он в нее попал; но Игорь был двадцатилетним бугаем, поэтому он просто побледнел и спросил:

– Выходит, если кроме этого полтинника денег у меня нет, то и жить мне всего пятьдесят дней?

Бармен с улыбкой зажмурился, не спеша и с удовольствием закурил сигарету. Глядя на него, Игорь вдруг почувствовал некое рефлекторное облегчение: именно так выглядел дядька с красным спасательным кругом, что возник рядом с ним на осводовской лодке, когда шестилетним, не умеющим плавать мальчиком он вдруг начал тонуть в одном из подмосковных озер, а тётя Люся, с которой он пришел на пляж, в это время весело разговаривала на берегу с лицом кавказской национальности; именно так он и выглядел, спасатель и спаситель, – пыхтящая сигаретой улыбка, покровительственная и самодовольная от нетрудного подвига.

– Пока пятьдесят, да. А вот найму тебя помыть здесь пол за столы, смотришь – уже сто пятьдесят, хе-хе. Я, кстати, здесь хозяин – ты не смотри, что за стойкой... А что с бабками-то? Уже обути успели? М?..

Бармен дружелюбно подмигнул Игорю, и тот начал медленно выпускать из себя воздух, успокаиваясь окончательно и сам уже расплываясь в улыбке. Слава Богу, всё не так плохо. Если за полчаса, ну хорошо, за час (Игорь оглядел раскидистые кафельные узоры, простиравшиеся по крыше), – если за час поломой здесь зарабатывают сто... сто дней, то умирать можно не торопиться. А те двенадцать с чем-то там штук, на которые он попал, не такие уж страшные бабки; вполне можно накопить за недельку и спокойно свалить отсюда. Впрочем, за недельку ли? Надо бы прикинуть поточнее.

– Ага, обули. Я сейчас расскажу, дайте только сначала на чем посчитать... У вас здесь есть калькулятор?

– Куда ж без него, – ухмыльнулся бармен-хозяин, подвигая к Игорю прибор. – Я смотрю, ты на лету рубишь, а? Уже считать начал, ты глянь. Отличником, наверное, в школе был?

Торопливо поддакнув шутке, Игорь принялся стучать по клавишам. Если сто рублей... хрен с ним, назовем пока рублями. Если сто рублей в час, и работать по двенадцать часов в сутки, то это тысяча двести за день. Двенадцать штук – десять дней. Что ж, всё не так плохо. При удачном раскладе никто ничего даже и не узнает – то есть в том случае, если охота у шефа затянется, а тачку за это время не сопрут. Но вот найдётся ли у этого доброго человека так много работы для него – чтоб по двенадцать часов, да каждый день?..

– Нет, дружок, столько работы у меня нет, – развел руками бармен, поймав и рашифровав вопросительный взгляд Игоря.

– Но может быть вы...

– А вот наколку дам, без вопросов. Есть у меня один приятель, у него халтурка всегда найдется. Только давай на ты, окей? Мне, между прочим, всего тридцать два. Тебя как звать?

– Игорь.

– Меня Фёдор. Давай-ка, землячок, мы с тобой чего-нибудь покрепче пива треснем, а? Люблю со свежими поболтать!

– Мне бы пол сначала помыть, чтоб было на что трещать, – кисло сострил Игорь.

– Угощаю! – хохотнул Федор; затем сделал шаг в сторону и, глядя за спину Игорю, махнул рукой: – Эй... все время забываю как тебя звать... оформи-ка нам попить и покушать. Да наверх сходи, дверь прикрой, закроемся на часок... всё равно никого нет в это время.

* * *

Метрдотель (он же, видимо, единственный официант) молча принес и расставил на стойке бара еду и закусь: водку в графине, сельдь, маринованные огурцы, хлеб, мясную нарезку. Первые несколько доз были приняты за знакомство, дальнейшие шли без тостов. Луна постепенно закопалась в тучи, и начал накрапывать дождик; редкие капли, словно шляпки гвоздей, заблестели на деревянных столиках под открытым небом.

– Щ-ща ливанет, – сказал Игорь, цепляя на вилку кусок сельди с колечком лука и потряхивая ею, чтобы согнать масло; настроение после третьей рюмки у него существенно улучшилось, а после пятой так и просто стало отменным: нет, а что такого, собственно, произошло трагичного?..

Ничего. Ну, попал он в небольшую историю, да. Но так ведь не смертельно же. Не то что не смертельно, а даже хорошо, это даже своего рода приключение, можно сказать... чем бы на самом деле всё это ни было – все эти химеричные подвалы с трехмерными картинками... ведь это ж картинки, чего их пугаться? Это раньше, сто лет назад люди синематографа побаивались, от паровозов на экране бегали, а теперь не к лицу. Здесь же наверняка то же самое кино, только немного более продвинутое, под стать времени. Пансионат этот – какой-нибудь научный центр, вот что это такое. Ведутся научные разработки в области трехмерного... ээ... трехмерного... ээ...

– Не, не ливанет, – покачал головой Фёдор. – А и ливанет. Нам с тобой что? Мы с тобой под крышей сидим.

– Ага, – подумав, согласился Игорь. Подумал еще и сказал: – Федь, только честно. Мы с тобой где сейчас? Вот этот пансионат, вот это все вокруг нас – это все какая-то секретная лаборатория, да? Какие-нибудь исследования для военщины?... Можешь, между прочим, не отвечать, я и так все знаю. Я ведь не дурак, Федь, хоть и молодой еще. Так-то. Ну что, угадал? Можешь не отвечать. Но только честно.

– А хрен его знает, если честно, – подумав в свою очередь,

произнес Фёдор. – Если честно, брат, то я и сам не до конца просёк, хоть уже и четыре года как из-за Забора. – Я бы, знаешь, сказал, что это своего рода город... нет, не город. Страна. И даже нет, не страна. Это своего рода мир, особый мир – вот что это такое.

– Как у Толкина! – не подумав на этот раз, воскликнул Игорь.

– У Хуёлкина, – не раздумывая в ответ, вяло пошутил Фёдор.

Долгое время новые друзья молчали; водка в графине подошла к концу, заканчивалась и еда.

– Нет, это бесполезно, – сказал наконец Фёдор, выходя из бара и направляясь прогулочным шагом к парапету на краю крыши; дождь успел кончиться, и сквозь серую небесную вату уже снова брезжил свет луны. – Бесполезно объяснять всё целиком, сразу. Ты все равно не поймешь. Лучше постепенно, по кусочкам, от случая к случаю. Где-то что-то у кого-то спросишь, где-то сам поймешь...

– Да я уже в принцип-пе почти все спросил... то есть, почти все понял, – нетвердым языком вымолвил Игорь, подходя вслед за Фёдором к парапету. – Мир этот ваш – просто

парк аттракционов. Уж я не знаю, наука это или военщина, или еще что, но суть дела одна – наебалово. С виду круто, аж дух захватывает, а на поверку – пшик, пустое место... Я вот, к примеру, одну телку тут знаю... у нее еще похлеще чем у тебя; у тебя – небоскребы, а у нее – океан целый, понял? Шторм, волны, все дела. А сунулся искупаться – и нет никакого океана. Туфта, подделка. Как ее... иллюзия, да. И у тебя наверняка то же самое. Ты думаешь, раз я только что из-за Забора, то как лох поведусь на всякие фокусы?.. Ты думаешь, я поверю, что этот вот твой Эмпайр Стэйт Билдинг, или как его, – Игорь махнул рукой в сторону огромного здания, плававшего неподалеку острой верхушкой, – на самом деле Эмпайр Стэйт Билдинг?.. Декорация картонная, вот что это такое. Нет, даже еще хуже, декорацию – ту хоть можно потрогать. А это – нельзя, потому что весь этот твой Манхэттен – лишь игра моего воображения. Вот смотри. Я сейчас залезу и...

С некоторым трудом Игорь забрался на парапет, сделал два шага и в нерешительности остановился у самого края, покачиваясь и придерживаясь руками за похолодевший вдруг воздух. Глянул вниз, осторожно вытягивая шею, и вздрогнул: серая каменная стена падала из-под ног в бездну, и желтые многоточия окон стекали по ней в невообразимую вертикальную даль, сливаясь в линии; вдруг закружилась голова, и сделать третий, решительный, доказываю-

щий бредовость происходящего шаг, оказалось непросто – уж слишком реалистично трепетало в глубине что-то белое, словно крохотный язычок лизал стену – должно быть, где-то вытащило ветром занавеску – этажей двадцать ниже... а то и тридцать, кто ж скажет?.. Господи, а вдруг это все не фуффло? Господи, ну зачем было вы... ну зачем было что-то говорить, зачем было сюда лезть? А теперь, теперь что? Поджечь хвост и слезть – извини, дядь, я передумал?..

– Чего замаялся-то? – раздался вдруг над самым его ухом голос Федора, злой и насмешливый. – Когда стоял бубнил, очко не играло, нет?.. Теперь прыгай, чего уж... Не хочешь? Ну так я тебе помогу!

Толчок в спину, тошнотворный кувырок в пропасть, ку-терьма в сознании; прыгавшие с парашютом знают: несколько первых свистящих мгновений чувства и мысли парализованы страшным волшебством свободного полета. Игорь видел, как метнулась с неба прочь луна, как сначала резко свалился на бок, а потом встал на голову Эмпайр Стэйт Билдинг, как снова свалился на бок, как молниями понеслись в открытое небо те самые многоточия окон, что струились до-толе вниз... И лишь ближе к земле, вдруг расслышав оглушительный вой ветра, понял: он падает, падает с огромной высоты, а навстречу ему летит его смерть – бетонная, железная, железобетонная, какая она будет?.. На что, на что он

сейчас шлепнется одетым куском парного мяса, что именно он загадит в радиусе десяти метров своими мозгами и кровью? Убьет ли он седокудную американскую старуху за рулем – брутально примнет ее крышей собственного автомобиля? Или произведет визгливый фурор в каком-нибудь уличном кафе, проломив собою пару нарядных зонтов над столиками и развесив на их железных спицах свои кишки? (Кап. Кап. Кровища капает в чей-то недопитый кофе.) Или все будет проще, скромнее – глухой удар о середину проезжей части, два-три негромких пешеходных вскрика, и белая "зебра" на переходе отчасти становится красной?.. Скоро станет ясно.

* * *

Но судьба была милостива. Судьба была фантастически, нечеловечески милостива. Из миллиона различных вариантов приземления для сброшенного с небоскреба найдется лишь пара-тройка не стопроцентно губительных, таких, результаты которых не будут назойливо ассоциироваться со словом всмятку; и вот, подумать только – всего пара шансов из миллиона, и один из них таки становится реальностью – Игорь Иванов падает на купол аэростата!

Как раз в то самое время, когда он разговаривал с Федором на крыше, внизу происходило некое локальное празднество: играла духовая музыка, хлопали петарды, ходили кру-

гами пластичные женщины в блестящих трусах и лифчиках, и, в частности, нагревали аэростат. По аэростатным меркам агрегат был не очень большой, но красивый, выполненный под арбуз: продольные зеленые полосы чередовались с черными, а на боку красовался алый треугольный "вырез".

Так как последнюю сотню метров Игорь проделал спиной к земле, а лицом к звездам, то неожиданное спасение оказалось для него уж совсем неожиданным. Черно-зеленые волны, вдруг поднявшиеся со всех сторон из ниоткуда и закутавшие мир в шелковую пелену, были восприняты им как интерьер предсмертного сумасшествия. Прошло, однако, всего несколько секунд интенсивного, тугого торможения, и он радостно понял что к чему; во многом этому способствовал громкий встревоженный выкрик откуда-то снизу, причем голос показался Игорю дюже знакомым.

– Быстрой гаси горелку, болван, не то из парня шашлык будет!

Выпутываться из сотен квадратных метров ткани – дело трудоемкое, даже с чужой помощью. Когда спустя минут десять Игорь выбрался наконец из-под оболочки на свежий воздух, пот, как пишут в хороших книгах, катил с него градом. Помогали ему два человека. На одном была синяя рабочая униформа – комбинезон и кепка – а на другом белая ру-

башка и галстук бабочкой. В последнем, не веря своим глазам, Игорь признал Федора.

– Как?.. Опять вы?.. – растерянная радость на его лице сменилась растерянным изумлением и неприязнью. – Вы же наверху остались!

– Раздвоился я, – пошутил Федор. – А чего ты опять мне выкаешь?..

Игорь молча выпрыгнул из корзины на мостовую. Интересно, стоит ли двинуть Федору в челюсть? И если двинуть – будет ли это иметь какие-либо ужасные последствия? Федор-то, видать, факир какой-то... Нет, лучше, наверное, не шутить.

– Потому, наверное, что мы с тобой на брудершафт не выпили, да? Ну, это дело поправимое. Сейчас вернемся и хрюкнем... Да не смотри ты зверем-то! Надо ж тебя было немного проучить... за это, как его... за недоверие, хе-хе...

Пансионат (6)

Сказав это, Федор направился ко входу в здание – то самое, с крыши которого всего несколько минут назад он столкнул Игоря; последнему ничего не оставалось, кроме как пойти следом. По мере того, как богато отделанный лифт поднимал двух приятелей на последний этаж, Игорь мрачно рассматривал свою небритую физиономию в зеркальной стене кабины и тяготился отсутствием конструктивных мыслей. Происходит какая-то дрянь. Нужно как-то реагировать. Нужно что-то придумать. Определить как себя вести. Разработать план каких-то, что ли, действий. Расспросить хорошенько этого Федора, стараясь не злить его, и вообще не делать больше резких, дурацких движений. Не прыгать с небоскребов, не бросаться под танки, не совать в розетку пальцы. Видимо, не всё здесь понарошку, не всё...

– Я, вообще-то, и не полез бы на этот парашют, – миролюбиво проговорил Игорь, едва они снова уселись за стойку бара, и Федор налил еще по рюмашке. – Не полез бы, веришь? И гнать бы всю эту пургу не стал... что я, больной, что ли? Но я тут, понимаешь, перед тобой у одной тёлки был... собственно, из-за неё-то я сюда и попал.

И Игорь вкратце рассказал о том, как побывал у Кати

в гостях и как вообще очутился в пансионате; рассказал и о фальшивом океане, дважды введшем его в заблуждение. Федор доглодал куриное крылышко, по-простецки облизнул пальцы и заметил:

– Ну так все правильно, чего ты удивляешься? Почему фальшивый? Самый настоящий. Просто маленький. Она ж тебе сама сказала: трех-ме-тро-вый. Трехметровый он у неё, океан, понял? На больший у твоей Кати бабок не хватило. Они вообще дорогие, океаны-то. Ну, накопит со временем... охотники – они хорошо зарабатывают. А у меня, дружок, сцена побольше будет, уж никак не три метра. Все три тыщи, пожалуй, точно не помню, надо в документах смотреть. Это, конечно, не так круто, как океан, спору нет, города-то у нас подешевле стоят... но зато и не три метра, ага. Ты бы уж спросил, дружок, прежде чем лезть-то, хе-хе...

Игорь нахмурил брови; некая догадка запорхала в его сознании жар-птицею, – не даваясь, однако, в руки; без дальнейшей помощи Федора поймать ее было непросто... по крайней мере после трехсот грамм принятого. Федор, впрочем, и сам почувствовал, что надо бы пояснить.

– Тут, короче, человек себе может обстановку купить, понимаешь? Как мебель, только не мебель. Кусок мира как бы. Сценой называется. Понятно?

– Да в общем-то понятно, – помолчав, сказал Игорь. – Не понятно только зачем.

– Ну, тут уж кто зачем, – развел руками Федор. – В основном для бизнеса берут. Как я, например. У меня тут несколько точек, причем разных. Вон те огоньки видишь?.. Это еще один мой ресторан, "В гостях у Феди". А вон еще один – зеленую черепицу видишь?.. Да нет, вон там, левее. Это "Сосны Сицилии", тоже мои. Туда, кстати, частенько твоя Катя заглядывает, если я правильно понял о ком ты. Я в нашем районе многих знаю... А вон ту башню у горизонта видишь? Вон ту, что с тремя маячками?.. А вот она уже действительно туфта – она сама и все, что за ней дальше. До нее хоть век иди – так и будешь топтаться на одном месте. Сколько тут приблизительно?.. Ну, километра три будет, как я и говорил. А вон там справа...

– погоди, – перебил его Игорь. – Тебе для бизнеса, ладно. А ей зачем? Что толку в трехметровой луже?

– Ну, ей для виду, значит. Типа панно. Девушка, все-таки, понимать надо. Эстетика, хуё-моё. Все, кто не для бизнеса, те для интерьера берут. У меня приятель есть, так у него вообще прикольная сцена – пустыня и каменные мордвороты. Этот, как его... остров Пасхи, вот. И немаленький он у

него, я хочу тебе сказать. Верст пятнадцать, не меньше. А стоит экзотика, между прочим, немало. Я ему говорю: Андриюх, на хер тебе...

– Постой, – снова перебил Игорь. – вот ты говоришь немало. А сколько это приблизительно стоит? Во сколько, например, вот это твое... вот эта твоя Сцена обошлась тебе?

– Сейчас я тебе скажу.... Так.... Так... Около сорока штук.

– То есть, около сорока тысяч дней?

– Ну да.

– А Кате ее океан во что обошелся?

– Да тоже, наверное, около того. Может чуть меньше, может чуть больше.

– Агааа, – с мрачным удовольствием сторожа, поймавшего воришку, протянул Игорь и подвинул к себе калькулятор. – Теперь давай посмотрим... Сорок тысяч дней – это сто девять с половиной лет. Ну, ты – ладно, у тебя бизнес. Но откуда у Кати за душой такие бабки, если она не занимается бизнесом? Она что, кавказская долгожительница?

– Я ж говорю, ты просто на лету все рубишь! – восхитился Федор не без некоторой иронии. – Однако ж, не бизнесом единым, дружок. Скажи: разве в Витланде обязательно свое дело иметь, чтоб бабки получать? Нет? Ну вот и здесь то же самое. Работают люди, работают. Кто где, кто кем, кто на кого. Все в точности как в Витланде. И Катя твоя тоже работает. На Пансионат. Это все равно как в Витланде на государство трудиться... Охотница она. Хорошая профессия, денежная.

– Это как это – охотница? – с угрюмым неудовольствием спросил Игорь; он начинал о чем-то догадываться.

Федор вышел из-за стойки и направился к шезлонгу, что стоял под открытым небом немного в стороне от столиков. Уселся в него, закурил и произнес следующее:

– Чтоб все понять, тебе нужно некоторое время пожить здесь, а так – все равно не поймешь. Я тебе только в общих чертах могу объяснить... короче, слушай. Пансионат – своего рода страна, в которой единицей валюты является человек-день. Ну, это ты уже понял. Когда из Витланда ты проходишь сюда через Забор, Пансионат измеряет остаток твоей жизни и обналичивает её. Сколько ты, говоришь, тебе дали?

– Двенадцать с чем-то тысяч, – похолодев, произнес Игорь, впервые осознав истинную суть этих тысяч.

– Ну вот, двенадцать тысяч. Это, кстати, негусто, дружок. Где-то лет тридцать. Тебе сейчас сколько?

– Двадцать два, – почти прошептал Игорь.

– Значит, в Витланде ты должен был врезать дуба в районе полтинника. В расцвете, так сказать, творческих сил, хе-хе. Но ты не расстраивайся, в твоих руках все поправить. Заработаете здесь бабок, отдашь двенадцать штук плюс комиссию, а всё, что сверху, по ту сторону Забора должно исчезнуть, превратиться в лишние годы жизни. Так, по крайней мере, говорят. Никто толком не знает. Теперь самое главное, чтоб ты знал. Чтоб тебе было легче, так сказать, ориентироваться в происходящем. Запомни раз и навсегда одну вещь. За исключением редких случаев Пансионат никому никогда никаких бабок не дает. Понял? Пансионат их только потребляет. Некоторые тутошные философы говорят, что Пансионат – приспособление для пожирания Жизненной Энергии, разработанное самим Дьяволом. Очень может быть; но если даже и так, то мне пофигу – мне здесь нравится. В Витланде, между прочим, жизненная энергия пожирается точно так же – наркотою, блядьми, водкой. Только там это все просто и бездарно. И без возможности какой-либо регенерации... Ну так вот, Пансионат никаких бабок никому не дает, Пансионат их только потребляет, продавая населению Услуги. А

услуги эти непростые. За бабки здесь можно всё. Настолько всё, насколько у тебя даже не уместится в башке. Ты можешь, например, на пару дней стать женщиной и почувствовать её органами всё то, что хотел почувствовать и сравнить – и не говори, что ты этого никогда не хотел. (Ничего особенного, кстати, всё очень похоже, хе-хе.) Ты можешь, например, узнать и даже воочию лицезреть любую тайну Витланда – начиная с того, как и кто трахал твою подругу пока ты был в командировках, и кончая тем, кто и как убил какого-нибудь там президента Кеннеди; понятно, что президент, будет, конечно же, подороже. Ты можешь, например, побывать на любой планете Солнечной системы, если ты миллионер. Открыты пути и дальше, только плати, но таких бабок покамест ни у кого нет, хе-хе. Или вот Сцены – одна из самых распространенных Услуг. Кстати, покупая Сцену, ты покупаешь не только кусок пространства, но и целый ворох людишек – в тех сценах, где они предусмотрены, у меня, например... Вот этот болван, что нас обслуживает, – один из них. Тот, внизу, который аэростатом заправляет – тоже. И бабы в золотых купальниках. Они мне все доход приносят. Странные какие-то существа, иногда даже жутко делается. Внешне как люди, а спроси их о чем-нибудь за пределами их обязанностей, – рот захлопнут, глаза вылупят – ни дать, ни взять куклы. Мы их так и зовем: пупсы. Пансионатовы творенья... Причем, заметь, всякие "обычные" услуги Пансионат предоставляет опосредованно, с помощью своих же оби-

тателей – типа там рестораны, отели, магазины – всем этим занимаются обычные люди вроде меня, купив для этого соответствующую Сцену. Поэтому на Территории поддерживается, так сказать, круговорот бабок, есть богатые люди и есть нищие, так же, как и в любом государстве. Вся разница в том, что здесь этот круговорот, покрутившись-повертевшись, в конечном итоге засасывается в одну единственную воронку; ведь накопив бабла, человек так или иначе тратит его на развлечения – так уж он устроен – будь он в Витланде или в Пансионате. Только в Витланде бабки все равно остаются в обращении, а здесь уходят в пасть к Пансионату, то есть неизвестно куда. Поэтому нужен их постоянный приток, иначе здесь все просто вымрут. Приток, естественно, может быть только из Витланда. Вот за этим-то и существуют охотники да охотницы, ежедневно и еженощно отправляющиеся за Забор в поисках, хе-хе, добычи... Понимаешь теперь?

– То есть, ты хочешь сказать, что эта Катя специально меня сюда заманила, дабы мои денюжки пополнили кругооборот?

– Плевала она на круговорот, дружок. Им Пансионат за добычу нечехлую комиссию отваливает – процентов пятнадцать от стоимости, я слышал, – прям там же, на Заборе, из того же блядского аппарата. Двенадцать тысяч, говоришь? Ну вот и считай: огребла твоя Катюха за тебя почти две шту-

ки. Некисло, а? Я столько и за день не всегда зарабатываю.

Игорь вдруг вспомнил кошелек в руках Кати, замеченный им сразу после того, как они прошли сквозь Забор, и ее слова, сказанные позже: "Я заработала на тебе денег."

– Вот сука, – не смог удержаться он.

– Я ття понимаю, – усмехнулся Федор, в очередной раз берясь за рюмки; знавший меру Игорь покачал головой. – Я ття понимаю, дружок. Но что поделать – такова жизнь, прости меня за банальность. А Катя эта твоя еще даже очень порядочная, если хочешь знать. Она ж тебя, говоришь, предупредила: сваливай. Ну и сваливал бы. Кстати, если б ты здесь меньше двух часов провёл, с тебя бы и комиссию брать не стали – за что впустили, за то бы и выпустили. Опять же, со слов. Сам-то я не знаю.

– Ага, хорошее предупреждение, – проворчал Игорь, вспоминая как именно всё было. – "Я б на твоём месте отсюда ушла", видишь ли. Очень, очень убедительно. Особенно позвав перед этим трахаться.

– И все равно, – возразил Федор, – она порядочная, насколько это у охотников вообще возможно. Заманила – да,

но пришел ты по собственной воле, и ничто не мешало тебе уйти. Ты знаешь, брат, далеко не все охотницы так чисто работают, насколько мне известно. Иные и лапши навешают, и выпить предложат, и клофелинчик в водочку подольют. А мужички-охотнички, которые поздоровее, – так те вообще просто: идут себе в Витланд, находят там жертву, тюк её по башке, чтоб не до смерти, чтоб только до Пансионата дотащить и сквозь Забор пропихнуть. Пропихивают и прям там же, в Прерии, человека и бросают – забрав его бабки, естественно.

– Где-где бросают?

– В Прерии. Это то самое место, про которое ты сказал, что жарко как в бане и одни собачьи конуры до самого горизонта. Скучновато там, да. Но никто там и не лазит особо, с другой стороны. Что там делать? Абсолютно нечего. Вместе с Забором это, понимаешь ли, своего рода прослойка между Витландом и Пансионатом.

– Никто не лазит, говоришь? – со злой улыбкой переспросил Игорь. И рассказал наконец Федору о том, каким образом он расстался со своими двенадцатью тысячами.

– Бандючье не в счет, – выслушав, сказал Федор. – Бандючье везде лазит. Есть и те, которые по Прерии специализи-

руются. Свеженьких с деньгами вроде тебя ищут и обувают.

– Но ведь это были дети! – возразил Игорь. – Девочка и...

– Какая нахуй девочка! – с досадой оборвал его Федор. – Нет, пацан, похоже ты до сих пор не врубишься куда ты попал... Постой, что бы тебе такого показать, чтоб ты наконец понял...

Федор озадаченно покрутил головой из стороны в сторону и задержал взгляд на игровых автоматах, что сверкали одинокими островами в противоположном конце крыши.

– Ага. Пойдем-ка. Сейчас ты наконец поймешь зачем вообще всё это нужно. Какой, так сказать, во всём этом смысл...

Они подошли к двум внушительным аппаратам, призывно мигавшим разноцветными лампочками. На том, что поменьше, красовалась надпись: "Побудь мужчиной!" Чуть ниже была указана цена развлечения – сто дней. На другом аппарате было написано приблизительно то же самое: "Побудь настоящим мужчиной!" – однако стоило это уже тысячу. Федор достал из кармана тысячу, помялся, убрал, достал стольник. Немного подумал, вздохнул, убрал стольник и снова достал тысячу.

– Штука здесь – довольно крутые бабки, пацан. Просто чтоб ты это знал. Но раз уж заикнулся – угощай по полной, такое мое правило. Когда-нибудь и ты меня угостишь. Просто на стольник ничего особенного не будет – считай, выброшенные деньги. Я могу даже предположить, что именно ты получишь на стольник. Защитишь какую-нибудь тёлку от хулиганов, красиво отпиздишь их, после чего в той же подворотне она тебе и отсосёт. Или что-нибудь наподобие. И все дела. Типа побыл настоящим мужчиной. Этак ты, дружок, ничего не поймешь. А вот на штуку уже полагается серьезная Услуга.

– И что это будет за услуга? – подозрительно спросил Игорь. Ему вовсе не светило впрягаться в дополнительные приключения, их и так вполне хватало, – но и не хотелось показаться трусом.

– Ей-богу, не знаю, – Федор засунул банкноту в приемную щель автомата и зашагал назад к бару. Не оборачиваясь, продолжал: – У каждого свое, все от тебя зависит. Не пожалеешь, гарантировано... Ну всё, всё, иди. Встречаемся здесь же.

Куда идти? – недоуменно подумал Игорь, глядя ему вслед. А повернувшись к автомату, увидел в нем небольшую, слегка

приоткрытую дверь.

Пансионат (7)

Аквамариновая пропасть пустоты туго наполняла небесный купол; его огромная, перевернутая чаша опиралась дымными краями на горизонт и возносила свое прозрачное дно в жуткую высоту. Течение ушедшего дня несло с собой потоки мглистой акварели, растворявшиеся в густом, зеленом пространстве аквамарина и превращавшие его капля за каплей в империю темного кобальта. Казалось, через несколько часов, когда ночь сменит вечер и кобальт обернется берлинской лазурью, – хрупкие стенки небесного сосуда не выдержат напора разливающейся тьмы и разлетятся на множество черных воздушных осколков, позволив алчному, покрытому звездной пылью Космосу рухнуть вниз и проглотить остатки атмосферных красок. Облака...

Облака. Они напоминают бескрайнее розовое одеяло, скрывающее под своим тонким покровом спящие исполинские фигуры. Фигуры шевелятся во сне и заставляют одеяло вздыматься. Вдали, у горизонта, кто-то согнул в колене ногу, а другой, поближе, задумал перевернуться на бок. К тому времени, как придет холодный Космос, одеяло сносится в серую ветошь, и уже не сочные исполины, а убогие калеки будут мерзнуть под ней, лишь слабо трясая ее своей чахоточной дрожью.

Но это будет. А пока – власть тьмы еще не настала, силы света еще велики. Прочен хрустальный небосвод, и живо под ним облачное море. Из пучины этого моря, далеко-далеко, поднимаются две светящиеся точки. Они напоминают хлопучечные серебряные звездочки с длинными лучиками, и будто бы стоят на месте, как огоньки бакенов; потом вдруг начинают приближаться, тускнеть, увеличиваться. Они делаются страшными, у них отрастают крылья. Спелыми яблоками созревают под крыльями ракеты. Яблоки эти дрожат налитой тяжестью и грозят сорваться с ветки...

Вспышка, стремительно растущий огненный шар. Руки летчика привычно выполнили соответствующий алгоритм движений: ручка форсажа на два деления вперед, штурвал на полсектора на себя; с резким ускорением самолет уходит вверх. Роскошный маневр, он всегда начинал именно с него. Длинный хвост ракеты протянулся (сколь можно судить по дисплею) метрах в трехстах ниже. Обратный маневр: ручка форсажа на три деления назад, штурвал на полсектора от себя – прыжок в яму. Вторая ракета проходит значительно выше.

Он включил рацию.

– Семьдесят третий. В квадрате шестнадцать восемьдесят

девять атакован двумя самолетами противника.

Через несколько секунд кто-то, с легким предварительным сглатыванием, будто оторвавшись от бутерброда, ответил:

– Работайте.

Работы предстояло много. Эти легкие, сверхпрочные, сверхскоростные и сверхсовременные истребители ни в чем не уступали его, разве что в мелочах. И пилотировали их, естественно, не мальчишки; он понял это сразу, понял по тому, как тяжело после первых же минут боя стало выходить из сектора обстрела.

Грамотно увернувшись от третьей ракеты, он стремительно и привычно пошел вверх, с тем чтобы на очередной залп опять "спрыгнуть" вниз и, падая, между прочим, сказать и свое веское слово. Не раз ему доводилось добиваться успеха таким образом, ловя бросившихся в погоню преследователей на взлете и раскраивая им брюхо из пулемета. Главной задачей было лишь правильно положить очередь, нажать на крючок в ту сотую долю секунды, когда ревущая машина вот-вот пронесется мимо и уже в следующее мгновение сама войдет в красный смертоносный веер трассирующих пуль. Именно так: аккуратно, из пулемета отрезать нос или стаби-

лизатор – что угодно. Иногда (он был уверен в этом) случилось, несмотря на бронированное кресло, поразить пилота. Но упаси боже (и в этом весь минус стрельбы с близкой дистанции) задеть ракетную амуницию – взрыв не пощадит никого; поэтому прицел всегда нужно брать строго по центру.

Впрочем, на сей раз ни о чем этом не могло быть и речи. Они словно знали все его намерения и были готовы к ним. Один, буквально прилипнув к хвосту, преследовал его на короткой дистанции сзади, а другой, километрах в трех справа, крутой восходящей петлей заходил ему в лоб. "Спрыгивать" в такой ситуации было бы опасным безумием – лишь подставлять себя под перекрестный огонь; и если первый не успеет изрешетить из пулеметов, второй наверняка накроет ракетой, ибо нет более обреченной жертвы в воздухе, чем падающий самолет, который расстреливают сверху.

Сознавая это, он все же не видел иного выхода: приближавшийся поворот событий выглядел еще более безнадежным. Через несколько секунд тот, спереди, начнет атаковать. От его ракет нужно будет уходить – вверх, вниз, в сторону – неважно куда, но в любом случае к тому, что сзади, придется развернуться плоскостями, создав для него великолепную мишень, в которую только ребенок не влупит без промаха. Сейчас, сидя у него на хвосте, он видит на своем дисплее лишь два огненных пятна – его сопла, одну вертикаль-

ную и две горизонтальных черты – его хвостовое оперение и крылья. Стрелять по такой проекции абсолютно бессмысленно. Струя отработавших газов имеет температуру в десятках тысяч градусов, на расстоянии нескольких метров от сопла вольфрамовая болванка тает как кусок масла – а что говорить о свинце? И даже если пули минуют эту струю, при данном положении самолета они не причинят ему особого вреда – лишь, может быть, вскользь оцарапают фюзеляж и крылья; но вот начини он совершать какой-либо маневр...

А если попробовать? Но здесь тот, кто пробует, – умирает. Здесь принимают решения в мгновение ока и осуществляют их раньше чем приняли, иначе за тебя это сделают другие. Первая заповедь воздушного боя: не позволяй противнику принимать за тебя решения, не играй в его игру – это может плохо кончиться.

Игра продолжалась и становилась серьезной. Решение уже приняли: тот, спереди, успел зайти ему в лоб и выстрелить. Его ракета приближалась алым, дрожащим тюльпаном. Слегка влажными руками летчик принялся двигать рукоятки орудий, ловя тот аленький цветочек в сетку прицела на дисплее. Это было последним, что можно было сделать: не пройдет сей номер – и получай купейный в ад; будешь расторопным – можешь прихватить с собой одного соседа.

Он опустил перекрестие прицела на два градуса ниже по ходу ракеты неприятеля и нажал пуск. Машина немного качнулась набок; один из снарядов под левым крылом сорвался со своего места и с громким зловещим свистом ушел вперед. Он впился глазами в дисплей; в правом верхнем углу мерцали цифры, регистрирующие параметры выстрела. Одна секунда, две, три... В центре экрана – два огненных самонаводящихся щупальца, извиваясь, стремились навстречу друг другу, подстраивались друг под друга, горя страшным желанием своей смертельной встречи. Четыре, пять... Только не так быстро, не так близко! Слишком близко.

Взрыв был ужасен; словно огненный, разорвавшийся от обжорства паук, он расплескивал плазменное нутро и раскидывал во все стороны свои оторванные волосатые лапы языками чудовищного пламени, сотрясая при этом пустоту мерзким громоподобным хохотом. Последнее, что он видел – огромная ярко-оранжевая клякса, расплывавшаяся на фоне все темневшего неба, – неожиданно исчезло: взрывная волна ударила по глазам, по всему его существу, опрокинула самолет и послала в нокдаун.

Два истребителя (его преследователю тоже досталось), как сбитые налету бабочки, конвульсивно затрепыхавшись, начали падать; в отблесках взрыва они напоминали пару

быстро вращавшихся золотистых веретен. Солнце уже угасло к этому времени, и темно-синий свод неба с несколькими яркими звездами создавал буйству огня фантастически красивый фон, немного привнося во все привкус страшной сказки.

Через несколько секунд он вновь обрел сознание. Кто-либо другой на его месте, не столь тренированный, вряд ли сумел бы это сделать так скоро в той сумасшедшей центрифуге, коею была сейчас кабина: облака, небо, огонь, звезды – все крутилось бешеной каруселью за стеклянным колпаком над его головой. В такт с вращением самолета по кабине шархались рыжие тени. В короткие промежутки темноты становилась заметна злая красная лампочка аварийной сигнализации, моргавшая в углу; он ни разу не видел этой лампочки в действии, для этого есть... Что с дисплеем?

Он протянул руку, и сейчас же гладкая боль скользнула вверх по его пальцам – скользнула, дошла до ладони и устремилась вниз ручейком теплой крови. Выругавшись, он вытряхнул из пальцев куски стекла и положил руки на штурвал. Ремни, больно врезаясь в плечи и живот, удерживали его в кресле; несколько мелких предметов – пара компьютерных дискет, сигареты, еще какая-то мелочь – дружно носились по кабине подобно лотерейным шарам в барабане. Медленно, с усилием поворачивая штурвал, он начал стабилизировать

самолет, выводя его на траекторию планирования. Рукоятка скорости стояла в нуле – при потере управления на большой высоте все системы автоматически отключаются на тридцать секунд до срабатывания автопилота; и вот, едва зафиксировав машину в одной плоскости, он вновь врубил форсаж – остервенело, до самого крайнего деления: вперед! Он жаждал боя.

Движки взревели диким, безумным воплем; как из катапульты, железно-пламенной молнией истребитель ринулся вверх. На электронных приборах цифры превратились в зеленое месиво непонятных значков, на электрических зашкалили стрелки. Перегрузки сомкнули ему глаза и стянули голову стальным тошнотворным обручем. Он чувствовал как вытекает из уголка рта слюна, как синеют костяшки впившихся в штурвал пальцев, как останавливается его сердце.

Сквозь гул и грохот, наполнявшие его череп, пробивалось невероятно далекое человеческое бормотание, воспринимавшееся им поначалу лишь как треск отрывавшихся мозгов. Через некоторое время – по мере того, как скорость становилась близка к максимальной, и ускорение падало – грохот стал стихать, сознание восстанавливаться, и он начал разбирать слова – сначала свой номер, а потом и всю короткую, повторяющуюся фразу:

– Семьдесят третий, ответьте. Семьдесят третий. Ответьте.

С трудом, почти не раскрывая рта, сквозь зубы он ответил:

– Я Семьдесят третий из Пантеры Два.

– Что у тебя там?

– Все нормально.

– Мы чуть не потеряли тебя на радаре. Что случилось?

Где они?.. Где они?! Ни черта не видно, кругом только звезды. Может, один из них примостился у него под брюхом и налаживается садануть из пулемета? А другой, где-нибудь сбоку, готовит ракету, от которой уже не уйти? Без дисплея – как без рук. Как без ног. И без головы. Есть, правда, резервный, выдающий в половину меньше информации, но он никогда им не пользовался, черт его знает – что это такое.

– Что случилось?

– Все нормально. Веду бой в квадра...

– Что случилось?

– В квадрате шестнадцать восемьдесят девять.

– Ты ранен?

– Никак нет.

– Повреждена машина?

Где они?! Липкой рукой он сорвал крышку с резервного дисплея и включил тумблер. Непривычно маленькое окошко экрана засветилось пустотой. Где они? – лихорадочные тычки пальцем в кнопку, меняющую сектор обзора: – нету. Нету. Нету!

– Семьдесят третий!

– Я Семьдесят третий.

– Сможешь уйти?

– Нет.

– Приказываю уходить.

Он усмехнулся:

– Никак нет. Подумают, что наша кошка наложила в штаны.

– Ну и что, с кем не бывает, – вернули ему смешок в несколько выдавленном исполнении. – Давай домой!

– Никак нет.

– О'кей, ну раз так, то слушай анекдот. Нам тут рассказали – мы чуть не уписались. Короче, приходит мужик к врачу...

Старый трюк. Старый психологический трюк, о нем известно каждому. Анекдоты рассказывают тому, кто в безнадеге – попытка вывести из шока, ополоснуть зацикленные на приближающейся смерти мозги. Девять из десяти этих анекдотов остаются недослушанными. Но в чем дело, неужели его дела так плохи? Неужели они видят на своем радаре что-то, чего не видит он?

– ...и говорит ему: "Я ничего у вас не нахожу, все у вас нормально." А тот ему: "Да нет, ты посмотри как следует!" Ну, врач опять смотрит, смотрит, разводит руками: все, дескать, нормально...

Как он узнал, что его догоняет ракета? По слабому ли багрянцу на элеронах, едва видимых из кабины? То ли по помехам – голос в наушниках вдруг странно забулькал лягушачьей трелью; то ли шестым чувством, присущим охотникам, а равно и их жертвам? Так или иначе, но он неожиданно понял, что опасность – смертельная опасность – приближается сзади; и, поняв это, резко пошел вниз и вправо. Тут же на дисплее возникли все действующие лица комедии: оба самолета, на довольно близком расстоянии друг от друга, и ракета.

Ракета. Ее след на экране, прямой в начале, судорожно изгибался в конце – она пыталась повторить тот же маневр, догнать его самолет, прилипнуть к нему. Но поздно: он вовремя сделал то, что сделал, и было ясно, что ей его не догнать – через несколько секунд она вновь сорвется на прямую траекторию и умчится в черную пустоту глупой раскаленной болванкой. Ясно было и то, что камера заднего обзора повреждена – вероятно, вышел из строя блок ночного видения. Теперь перед ним стояли две задачи: не пускать к себе в хвост, и при этом не давать понять, что он этого боится.

– "... да ты посмотри – какой красавец!" Ха-ха-ха!! Хороший анекдот, правда?

– Спасибо. Я слышал его раньше, – медленно проговорил он, концентрируясь на крохотном экранчике. Сетка прицела здесь была не зеленой, а красной, и сейчас в этой красной паутинке болтался его враг, один из них, – пока еще маленький, вдалеке, но быстро приближающийся, идущий в лобовую, заполняющий собой всю площадь экрана, заслоняющий звезды крыльями и тыкающий в глаза ракетами. Эти ракеты – большие, с черными остроконечными головками, готовые сняться с места при малейшем нажатии пальца на гашетку – в точности как и его; эти вражеские пальцы – потные, нервно поглаживающие гашетки – в точности как и его; весь самолет этот с его сложнейшей электронной начинкой очень похож на его; но вот сам пилот – что-то совершенно другое, должен быть чем-то другим, ведь все люди разные, и от того, кто выстрелит первым, зависит все. Практика воздушных боев рекомендует это делать вторым.

Никто не дрогнул, и время для ракетной атаки истекло – они находились уже слишком близко друг от друга; предстояли пулеметные любезности.

– Семьдесят третий! Приказываю немед...

Грохнули очереди, и исчез голос: пуля срубила килевую антенну, о чем немедленно сообщил монитор. И все. И все! Он был несомненно удачливее: красным шрамом стоял еще

в его глазах след металла, полоснувшего о металл, в то время как самолеты, проскочив в каком-нибудь десятке метров, уже разошлись на солидное расстояние, и один из них уже имел на себе роковые отметины, губительное значение которых рано или поздно должно сказаться – или взрывом запорочных емкостей через несколько секунд, или потерей летных качеств, в коем случае он непременно будет расстрелян со всей той легкостью, с какой убивают калек, добивают раненых и спускают в унитаз выкидыши.

Будет расстрелян. А сейчас – где второй? – он яростно крутанул штурвал, ушел на вираж – и тут же вытащил его на дисплей: подлая тварь прознала каким-то образом о его проблеме, и уже второй раз заходила ему в хвост. Едва поймав его в огневой сектор, он послал ему ракету, – седьмую по позиции, вторую по счету – и то, что удар пришелся врасплох (неприятель нервно заметался – то набирая, то вновь гася скорость, – и в конце концов еле ушел), укрепило его в хладнокровной уверенности, что оставшимися шестью он отправит своих врагов в преисподнюю. Инициатива явно переходила в его руки.

Тут случилось неожиданное: умершая было рация вдруг ожила, и телефоны заговорили незнакомыми голосами. Он силился разобрать слова, но не мог; и вдруг понял, что это иноземная речь, что благодаря отсутствию антенны и ка-

ким-то произошедшим в силу этого изменением в приемном контуре он стал свидетелем радиопереговоров двух своих противников. Знание языка, несомненно, пригодилось бы для выяснения их намерений и облегчило бы бой, а так – без толку. Интересно, могут ли они слышать его?

– Эй вы, ублюдки, – мрачно произнес он в микрофон.

Резко наступившее в телефонах молчание дало ему понять, что его слышат. Все же он предпочел убедиться в этом:

– Я говорю: эй вы, ублюдки.

Последовавший за этим короткий, на взрывных интонациях монолог представлял собой, скорее всего, нагромождение иностранных ругательств в его адрес. Он ответил двумя-тремя соответствующими выражениями, и бой продолжался.

Теперь было легче. Теперь было значительно легче: соперник остался один. Другой, которого он достал из пулемета, был уже не в счет. Та короткая очередь оказалась на редкость удачной, вершиной профессионального мастерства: задев рули, она лишила самолет неприятеля мобильности, жизненно важной подвижности, образно говоря, кастрировала его; теперь, чтобы совершить разворот, он уходил бог

знает куда и ложился на огромного радиуса дугу, подобно тяжелому пассажирскому "боингу" с его плавностью и слоновьей величавостью маневров, где все рассчитано и подчинено максимальному комфорту пассажиров: никого не должно рвать, никто не должен падать в обморок, никто не должен бояться. Но тебе, милый друг, есть чего бояться в своем "боинге", и, пожалуй, скоро тебя вырвет кровавой рвотой – твоими собственными потрохами.

Тем не менее, пилот раненного самолета оказался мужественным человеком и не покинул пространства боя, а до самой, как говорится, своей последней минуты продолжал делать все, что позволяли его ущербные силы: кружил в отдалении и поплевывал оттуда ракетами, стараясь не задеть своего, что давалось ему, должно быть, не слишком просто: сцепившиеся в смертельной схватке самолеты неотступно гонялись друг за другом, как два влюбленных мотылька в вечернем саду, и с расстояния были трудно различимы. Целью каждого было не отпустить соперника на дистанцию ракетной атаки и зайти ему, по возможности, "под крыло" – снизу и чуть-чуть сзади – наиболее удобное место поработать пулеметом, не рискуя при этом подвергнуться ответному огню.

У него была еще одна, дополнительная цель: закончить игру как можно быстрее. Выбрав как-то крошечный миг, он оторвался от дисплея, чтобы взглянуть на приборы; взгля-

нул, и был неприятно удивлен тем, что горючего оставалось не больше чем на полделения, т.е. приблизительно на сорок минут того, что в инструкциях называют "экономичным полетом". Ближайшая база была по меньшей мере в получасе такого полета, и это означало, что на все гонки с преследованиями ему оставалось не более пяти минут. Пять минут, иначе и сама победа не будет иметь для него смысла. Пять минут убить обоих.

В этом щекотливом положении он придумал и осуществил великолепную операцию. Смысл ее был достаточно прост: сыграть нетрадиционно, нарушить стандарты. Подобно шахматам, где делают зазубренные дебютные ходы и уверены в их годами проверенной неоспоримости, подобно теннису, где монотонно посылают только те мячи, которые хуже всего берет соперник, воздушный бой, особенно если он касается двоих, с определенного момента также приобретает некоторую однообразность и повторяемость маневров. Все решения правильны и предсказуемы: сейчас он пойдет туда, а я – сюда; сейчас он уйдет вверх, а я – вниз; сейчас он уйдет вниз, и я – вниз; вот оттуда он сейчас выстрелит (уже стреляет!), а я – опять вниз...

Он задумал внести в эту рутину изменение. Резкое изменение. Отклонение от правил. Промах. Ляпсус. Сейчас он пойдет вверх, а я, вместо того чтобы тоже идти вверх, пойду

вниз. Если он среагирует на мою преднамеренную ошибку моментально и пошлет вдогонку гостинец – мне конец; если замешкается хотя бы чуть-чуть – конец ему. Посмотрим чей конец длиннее.

И он пошел вниз. Ручьи пота на его лице успели пролиться и испариться за те две или три секунды, в течение которых он, падая, подставлял неприятелю свою незащищенную спину. Все, что нужно было врагу сделать, – лишь развернуть ракетную кассету на сорок пять градусов вниз, даже не меняя курса, и уничтожить его. Но секунды прошли, и он остался жив. Секунды прошли, и все поменялось местами. Черное стало белым, горькое – сладким, страшное – желанным. Теперь уже не его спина, а неприятельское брюхо, высвеченное на дисплее приборами ночного видения и оттого напоминавшее зеленого осьминога с жуткими присосками-ракетами, оказалось досягаемым и легко уязвимым. Прежде чем продырявить его (дистанция достаточно большая, можно и ракетой), он имел маленькое мгновение специфического наслаждения из разряда тех, что получают открыв рот на лакомство, но еще не коснувшись его зубами – что-то вроде слюнного гейзера под языком. Или, уж коль упомянуты шахматы, когда берут в руку ферзя, чтобы поставить им мат, и рука эта еще висит в воздухе.

Потом он нажал на пуск. Одновременно с этим исчез весь

интерес к событию, вся радость предвкушения. Заученно и как-то медленно выплеснулась ракета из кассеты, пролетела должное количество метров и поразила цель. Взрыв не был столь ужасен как предыдущий: сознание не покинуло его, и штурвал остался в его руках. Взрывная волна хоть и была сильной, но лишь достаточно сильной чтобы только один раз перевернуть самолет; он сразу же вновь овладел управлением. Все небо оказалось забитым горящими, кувыркающимися осколками убитого им врага, и отдельные из них, величиной с легковой автомобиль, падали на него сверху огромными, ревущими болидами, встречи с которыми приходилось тщательно избегать, лавируя не менее искусно и не менее поспешно чем минутой раньше. Лишь после того, как все отпылало, и в воздухе остался только светящийся прах искр, он позволил себе заняться поисками второго.

Второй уходил. Медленно, прижав уши, как большое животное, он плыл восвояси и думал, наверное, что летит стрелой; на самом же деле искалеченные крылья позволяли ему развивать едва ли половину крейсерской скорости. Страшный хищник настиг его одним гигантским прыжком.

– Слышишь ли ты меня? – спросил он, нависая над ним бронированным ликом пантеры.

Вопрос, казалось, был понят, и короткий, нелегкий выдох

прозвучал в телефонах иноязычной версией слова " да".

– Я убью тебя.

В ответ на это послышалась громкая, размеренная речь, напоминавшая чтение стихов, – интернациональное имя Иисуса Христа фигурировало в этой речи.

Он в бога не верил.

Пансионат (8)

– Ну как? – подмигнул Игорю Фёдор, встречая его на выходе из кабинки. – Сколько врагов успел замочить? Десять? Двадцать?

– Всего двоих, – сознался тот, переводя дух и вытирая рукавом пот со лба. – Зато как, как это было!.. Слушай, ну это круто!..

Луна успела исчезнуть с неба, последние звёзды таяли в розоватых сполохах приближавшего рассвета; не слышно внизу уже было музыки, и поредели на небоскрёбах разноцветные россыпи огоньков-окон. Приятели вернулись к стойке бара.

– Четыре утра, однако, – сказал Фёдор. – Давай-ка по одной ещё примем, и спать. Поспим, а потом на свежую голову прикинем, кому тебя сосватать... В нашем случае вечер утра мудренее, хехе...

– Нет, ну как, как оно всё было! – не унимался Игорь в своём восторге, хватая и опрокидывая в себя налитую рюмку. – Ты сам-то, сам-то когда-нибудь летал на этом своём... на этом... чёрт, даже и аттракционом-то назвать язык не под-

нимается! Летал, нет?! Ну ни фиги себе ощущеньица! Ну, спасибо, ну удружил. Это ж... это ж... сила, вот! Я теперь себя совсем по-другому чувствую. Я теперь понял: вот оно, настоящее. Я себя теперь настоящим мужиком чувствую, понял? Спасибо, брат. Спасибо, что глаза открыл. Мне теперь одна дорога: в лётное. Вот выберусь отсюда, и сразу документы подам. Вот только с работы уволюсь, и подам. В Рязань. Кажется, в Рязани оно, военное лётное. А что? Мне всего пока двадцать три, вся жизнь впереди ещё. Ну, не восемнадцать уже, конечно, но есть ещё времечко, есть... Да ты сам-то, сам-то летал, нет?..

– Да летал когда-то разок-другой, – без особого энтузиазма отвечал Фёдор, ковыряясь во рту зубочисткой и сонно глядя куда-то вбок.

– Правда круто, да?.. Когда ты один на один в небе с такой вот машиной, и она слушается каждого твоего движения, и такая дикая у неё мощь, и она вся твоя, эта мощь, и ты можешь направить её против кого хочешь, ты можешь испепелить целый город, ты можешь поставить всех на колени, ты царь, ты бог, ты карающий ангел, потому что тебе нет равных, потому что ты король, король неба, ты можешь замочить кого хочешь, сотни, тысячи, десятки тысяч людей, но ты никого не замочишь, потому что сила дает тебе благородства, потому что ты должен защищать эти сотни и тысячи,

потому что ты их единственная надежда на спасение, потому что они верят в тебя и знают: ты не подведёшь, потому что ты – настоящий мужчина, в руках которого грозное, смертоносное оружие, от которого просто захватывает дух... круто, да? Нет, скажи, правда круто?

– Обалдеть просто, – ухмыльнулся Фёдор. – Если тебя простецкая игрушка так забрала, что же с тобой от тутошних серьёзных забав станет?

– Простецкая? – Игорь нахмурился. В очередной раз начинала действовать водочка. – Я бы не стал так говорить. И вообще, я бы не стал это называть игрушкой, знаешь.

– А ты слетай ещё разок, – предложил Фёдор и достал из кармана бумажник, не торопясь его, впрочем, открывать. – Слетаешь второй раз, третий, а на четвёртый обрыднет. Потому что одно и то же. Ну, самолёты, может, разные. Сейчас такой, в следующий раз другой. Ну, маршрут, я не знаю, или как это называется – тоже, может быть, разный. Сегодня над морем, завтра над лесом. Ну, ещё чего-нибудь. Сегодня прыгал с парашютом, завтра не прыгал. Послезавтра опять прыгал. А в целом – одна фигня.

– Да? – помолчав, недоверчиво сказал Игорь. Ещё помолчав, заявил: – Может, и одна, раз ты так думаешь. Тебе вид-

нее. Но это потому что... аттракцион. Игрушка, как ты сам говоришь. А вот в Рязани – там будет настоящее, каждый раз разное!

– Ну ладно, ладно, разное, – уступчиво согласился Фёдор, поднимая руки. И тут же словно окатил ледяной водой из ушата: – Ты главное доберись до неё, до этой своей Рязани, хорошо?

– Хорошо, – понуро буркнул Игорь, разом спустившись с небес на землю.

– Ну вот и лады, – хлопнул его по плечу Фёдор. – А сейчас спать.

Фёдор, видать, и вправду был волшебником: прежде, чем Игорь успел что-либо ответить, могучий сон накрыл его сознание большим и темным покрывалом.

* * *

Проснулся он от холода. Вернее, не от холода, а от той очаговой утренней прохлады, что гложет выбившуюся из-под одеяла ногу. В обычной ситуации – у себя дома, в своей кровати, под своим, наконец, одеялом – это не повод для того, чтобы просыпаться; сладко сгруппировавшись, человек

отхватывает себе ещё сна. Другое дело, когда ты, оказываешься, не только не у себя дома, но даже и не там, где, помнится, засыпал! А именно в такую историю и попал Игорь.

Открыв глаза, он некоторое время лежал на спине и раздумывал в какую сторону повернуть голову. Справа, совсем рядом с кроватью угадывалось зияющее окно – если назвать этим словом огромный незастеклённый проём в стене, размером напомилавший экран в кинотеатре средней руки. Слева чувствовалось какое-то помещение, тоже весьма немаленькое, с высокими потолками; если быть последовательным в сравнениях – объёмом под стать кинозалу. "Сначала глянем на улицу", – решил, наконец, Игорь и повернул голову к окну. Панорама, открывшаяся с немалой, должно быть, высоты, заставила благоговейно вздрогнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.